

ДЕТСКИЙ ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ

Театр для детей порожден Октябрьской революцией. Только в стране, где строится бесклассовое коммунистическое общество и забота о воспитании подрастающего поколения является важнейшим общегосударственным делом, возможен такой быстрый расцвет этой новой и могущественной отрасли театрального искусства. За 20 лет детским театром пройден сложный и увлекательный путь — от лабораторных исканий к зрелому искусству, любимому миллионами детей и располагающему тысячами творческих работников, целиком посвятивших себя идейному и эстетическому воспитанию детей.

Вместе с детским театром родилась и выросла его драматургия. В создании репертуара для профессиональных и самодеятельных детских театров принимают участие десятки авторов, среди которых можно встретить имена лучших писателей нашей страны.

Нет нужды возвращаться к давно опростывшимся спорам о предлоуговитой «специфике» театра для детей. Эти споры разрешены самой жизнью и творческой практикой талантливых людей. Для всех серьезно работающих в искусстве ясно, что она отнюдь не распространяется на вопросы художественного качества. Знание всякого подлинно художественного явления в детском театре выходит за его пределы и становится событием общетрагедийным и общелитературным. Всякое ремесленничество, хотя бы и способное вызвать у юной аудитории простейшие реакции в виде смеха и аплодисментов, не приобретает от этого права называться искусством. Здесь мы выражаемся не только на авторитет Горького и Станиславского, учитывали, что в искусстве для детей нужно подходить к самым высоким критериям, но и на факты, почерпнутые из современной нам литературной жизни. Ибо появившаяся на сцене детского театра такая значительная произведения, как «Сказка» Мих. Светлова и «Первая любовь» Р. Фраермана, лучше всего доказывают справедливость и плодотворность высоких требований, которые предъявляет наша действительность к идейно-художественному уровню драматургии.

«Сказка» лишена всякой дидактичности. Она не навязывает своему зрителю готовых выводов и нарочитых сентенций. Она, как всякая хорошая сказка, правдоподобна в высоком смысле слова, правдоподобна глазами поэта взглянуть на окружающую юного человека действительность, ощутить поэзию труда и человеческой дружбы. Светлов обращается к своему зрителю на языке образов, а этот язык и есть язык искусства, равно понятный и ребенку и взрослому.

В «Первой любви» автор не пытается раз и навсегда определить, что такое любовь, и разрешить все связанные с этим проблемы. Он делает больше — заставляет зрителя задуматься над сложностью и красотой человеческих отношений, проинспирированно уважение к чувству и мысли окружающих его людей.

Названные песни, различные по творческой мажуре, разные и в своих достоинствах и в своих недостатках, обилием своей внутренней поэтичности и новизны художественного письма, серьезности и полноценности замысла.

Может возникнуть вопрос: способен ли юный зритель в той же мере, как взрослый, оценить всю сложность замысла, все нюансы в произведении, написанном автором без всяких «скидок» на уровень своей аудитории? Вероятно, не всегда, и в этом нет ничего плохого. Основное оно поймет, а то, что останется не до конца им осознанным, все же будет воздействовать на него и заставлять вдумываться в открывшийся ему мир образов. Включая в школьную программу по родному языку величайшие произведения классиков, мы отнюдь не предполагаем, что в первом чтении ребенок осваивает все заложенные в них богатства. Через несколько лет он возвращается к ним и находит в них неисчерпаемый источник дум и впечатлений.

Повышение общего уровня драматургии детского театра немаломо сказывается на повышении культуры спектакля. Спектакли многих детских театров уже перестали быть «далекой периферией» и привлекают внимание широкой литературной и театральной общественности. Значение таких пьес, как «Сказка», «Первая любовь», «Снежная королева» Евг. Шварца (перечень их можно умножить), в том, что они закрепляют высокий уровень требований к драматургии детского театра и обязывают к дальнейшему росту.

Однако было бы ошибочно отрываться от достигнутого последних лет от всего развития детской драматургии, которая за 20 лет, наряду с вещами слабыми, дала немало талантливых произведений, по праву пользующихся любовью зрителей. Наоборот, именно теперь, когда широкая общественность и пресса начинают принимать повседневное участие в жизни детского театра, необходимо глубже ознакомиться с творчеством советских драматургов, пишущих для детского театра, бывшего до недавнего времени весьма покровительствуемому объектом весьма покровительственного внимания. Недавно, во время ленинградской декады, прошла с большим успехом пьеса А. Бруштейн «Голубое и розовое». Для многих взрослых зрителей эта пьеса, написанная несколько лет назад, прозвучала как новинка и лишь теперь, спустя несколько лет, по заслугам отмечена критикой. Мало внимания уделялось до сих пор творчеству Н. Шестакова, Л. Кассила, ленинградцев Д. Дала и Е. Шварца и других драматургов, много лет плодотворно работающих над созданием детского репертуара на всех языках народов СССР. Необходимо с завоеванных позиций обобщать наше литературное хозяйство и творческие кадры, отмени случаи случайных людей и халтурщиков, привлечь внимание ко всему действительно ценному, что создано в этой области. Вероятно, может стать вопрос о возвращении на сцену театра некоторых наиболее удачных пьес из репертуара прошлых лет. Это вызывается и тем, что состав детской аудитории непрерывно обновляется.

Отдельные успехи драматургии детского театра еще не решают всех поставленных перед ней задач, а только делают их яснее. Перед советскими драматургами еще непочтительный край работы. Современная тема еще не заняла господствующего положения в репертуаре трупп. Не созданы еще полноценные пьесы из жизни советских школьников и пионеров. Ждут своего воплощения образы многих замечательных людей — революционеров, ученых, поэтов, чей пример мог бы увлечь воображение юного зрителя. К сожалению, многие труппы не работают над созданием таких пьес, рассчитывая запомнить репертуарные бриллианты произведений классиков, кисти не всегда прозаично обрабатывая их. Вряд ли верно поступают некоторые детские театры, когда, не считаясь ни с возможностями труппы, ни с производственной целесообразностью, включают в репертуар такие труднейшие пьесы, как «Горе от ума» и «Вишневый сад». В связи с этим следовало бы пересмотреть репертуарную политику некоторых «взрослых» театров, полностью устранившись от общения с юным зрителем. Прерванная традиция детских утренников в академических театрах должна быть возрождена. Дети должны получать возможность видеть в первоклассном исполнении лучшие произведения драматургической классики, которые они изучают в школе: «Ревизор», «Горе от ума», «Бориса Годунова». Наконец, существование широкой сети театров не исключает работы академических театров над репертуаром для детей, постановкой феерий и т. д. Вспомним хотя бы опыт Художественного театра.

Мало еще сделано в области драматургии для кукольного театра, детской оперы, балета, наконец, для детских самодеятельных коллективов, которые в нашей стране насчитываются тысячами.

Дальнейшее развитие театра для детей в значительной степени зависит от его репертуара. Создать репертуар, достойный нашей эпохи, — дело чести всей советской литературы.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ССР ЧУВАШИИ

Писатели Советского Союза приветствуют Чувашскую республику в дни ее славного двадцатилетия. Советская Чувашия, за двадцать лет достигшая решающих успехов во всех областях хозяйства и культуры, ставшая передовой советской республикой, внесла блестящие страницы в историю строительства социализма. Достижения и успехи в дорожном строительстве Чувашии известны всему Советскому Союзу. Чувашская АССР под руководством партии Ленина—Сталина организовала пере-

строе колхозное хозяйство, большую социалистическую промышленность и добилась огромных достижений в деле создания национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Советские писатели всех братских республик уверены, что под руководством коммунистической партии и великого Сталина чувашский народ будет и впредь неустанно бороться за процветание своей родины и всего Советского Союза.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Издание книг советских писателей в Латвии

По договорам с литературным агентством Всесоюзного объединения «Международная книга» ряд крупных латвийских издательств выпускает книги советских писателей. Писательство «Кайт» приступило к изданию многолетнего собрания сочинений А. М. Горького. В печати подготовлен первый том, содержащий новую, специально для этого издания написанную биографию Алексея Максимовича и повесть «Детство». Латвийский литературовед К. Давыла осветил в этой биографии до сих пор мало известные факты из жизни Горького в Риге и на Рижском взморье, что представляет несомненный интерес и для советских читателей. Выпускается также сборник малозвестных рассказов

Горького и полное собрание сочинений Л. Н. Толстого. В ближайшее время издается «География Советского Союза» Н. М. Михайлова. Книга снабжена многочисленными фотографиями и картами. В издательстве «Граматы Дружбе» выходит роман М. Шолохова «Тихий Дон» в переводе на латышский язык В. Грешинис. Первый том будет выпущен в ближайшее время. Издательство готовит также сборник сказок народов СССР, составленный Л. Леоной. Советскому знакомству хорошо знакома книга Р. Фраермана «Линия сбоя» Динго или повесть о первой любви». Эту повесть печатал латвийский журнал «Агута» («Отдых»). (ТАСС.)

Леонид ЛЕОНОВ

Указ Президиума Верховного Совета СССР О ПЕРЕХОДЕ НА ВОСЬМИЧАСОВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ, НА СЕМИДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ И О ЗАПРЕЩЕНИИ САМОВОЛЬНОГО УХОДА РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ С ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ.

Согласно представления Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов — Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

- Увеличить продолжительность рабочего дня рабочих и служащих во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях: с семи до восьми часов — на предприятиях с семичасовым рабочим днем; с шести до семи часов — на работах с шестичасовым рабочим днем, за исключением профессий с вредными условиями труда, по спискам, утверждаемым СНК СССР; с шести до восьми часов — для служащих учреждений; с шести до восьми часов — для лиц, достигших 16-ти лет.
- Перевести во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях работу с шестидневной на семидневную неделю, считая седьмой день недели — воскресенье — днем отдыха.
- Запретить самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое. Уход с предприятия и учреждения, или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения в другое может разрешить только директор предприятия или начальник учреждения.
- Установить, что директор предприятия и начальник учреждения имеет право и обязан дать разрешение на уход рабочего и служащего с предприятия или из учреждения в следующих случаях:
 - когда рабочий, работница или служащий согласно заключению врачебно-трудовой экспертной комиссии не может выполнять прежнюю работу вследствие болезни или инвалидности, а администрация не может предоставить ему другую подходящую работу в том же предприятии или учреждении, или когда пенсионер, которому назначена пенсия по старости, желает оставить работу;
 - когда рабочий, работница или служащий должен прекратить работу в связи с заключением его в высшее или среднее специальное учебное заведение.Отпуска работникам и женщинам служащим по беременности и родам сохраняются в соответствии с действующим законодательством.
- Установить, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев.

Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%.

В связи с этим отменить обязательное увольнение за прогул без уважительных причин. Предложить народным судам все дела, указанные в настоящей статье, рассматривать не более, чем в 5-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно.

6. Установить, что директора предприятий и начальники учреждений за уклонение от передачи суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятия и из учреждения, и лиц, виновных в прогулах без уважительных причин — привлекаются к судебной ответственности.

Установить также, что директора предприятий и начальники учреждений, призывавшие на работу укрывавшихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и из учреждений, подвергаются судебной ответственности.

7. Настоящий Указ вступает в силу с 27 июня 1940 года. Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН**. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН**. Москва, Кремль, 26 июня 1940 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР О ПОВЫШЕНИИ НОРМ ВЫРАБОТКИ И СНИЖЕНИИ РАСЦЕНОК В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА 8-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

В связи со статьей первой Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. об увеличении продолжительности рабочего дня до 8 часов, Совет Народных Комиссаров СССР постановляет:

- Сохранить без изменения существующие дневные тарифные (или расценовые) ставки и месячные должностные оклады рабочих и служащих.
- Повысить нормы выработки и снизить сдельные расценки пропорционально увеличению продолжительности рабочего дня.
- Проведение настоящего Постановления возложить на народных комиссаров, директоров предприятий и начальники учреждений.

Председатель Совнаркомов Союза ССР **В. МОЛОТОВ**. Управляющий делами Совнаркомов Союза ССР **М. ХЛОМОВ**.

ПИСАТЕЛИ ГОРЯЧО ОДОБРЯЮТ УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР РАБОТАТЬ, ТАК РАБОТАТЬ!

Работать, так работать!
РАДИ СЧАСТЬЯ РОДИНЫ
Страшный пожар полыхает в мире. Европа, Африка, Азия охвачены огнем войны. Сотни тысяч человеческих жизней истреблены, миллионы жизней пролиты. Пропало различие между фронтом и тылом, между кровью над головами детей и стариков.

Какалось бы, страна, занимающая такое положение в Европе и Азии, как Советский Союз, непременно должна была бы быть вовлечена во всеобщую разрушительную войну. Однако этого не случилось.

В прошлом году мне пришлось быть в Горьком на автомобильном заводе. В течение многих часов я ходил по цехам и отделам гигантского предприятия и наблюдал за процессом создания автомобиля.

Мне порадовал молодой инженер — у него был выходной день, он случайно оказался в конторе и, встретив меня, выждал, чтобы показать завод.

Это не случайно благодаря необыкновенно пронацпартийной политике Советского Союза, остающегося неизменно верным делу мира.

И в первом же цехе, не помню уж в каком, мой спутник сказал: — Вы хотите, чтобы я показывал вам только наши успехи? А не хотите ли, я покажу вам наши горести и обиды? И сказал, что хочу видеть все.

— Я хочу, — говорил он, — особых мер против разбавляемости и неорганизованности, ибо это губит все наши карты, срывает все наши планы, ослабляет нашу силу. У нас есть тысячи рабочих, которые совершенно ясно понимают, что мы переживаем и что нам еще предстоит пережить. Они аккуратны, честны, организованы. В случае нужды они будут работать два, три часа лишних. Для них завод — не просто рабочее место, а свое родное дело, часть их жизни. И поверьте мне, придет такой день, когда весь народ скажет: Довольно этого безобразия, работать, так работать!

Те ошалевшие от ужаса беженцы, которые, подхватив полуголодных детей, бегут сейчас многомиллионной ордой по всем дорогам оставшейся Европы, — как они хотели бы в настоящее время оказаться у нас в СССР, в любом городе, в любой деревушке!

Но мир охраняется неколебимой мощью обороны нашего государства, современно вооруженного новейшим оружием, полновесного к любому вызову. Мирный путь мы продолжаем укреплять наши позиции на Балтийском море, мирным путем мы восстанавливаем исторические границы наших народов на Дунае и Пруте.

— Здесь обрабатывается деталь, без которой автомобиль не может сойти с конвейера. Вы видите — станки стоят. Стоит и соседние станки, связанные с этими.

Работать, так работать!
Этот день пришел, и в газете я прочитал, что 27 июня 1940 года на Горьковском автомобильном заводе не было станка, который бы не работал. Смена работала полные восемь часов.

Сказочное кажется им теперь наше русское тихое небо, — единственное небо, с которого не падают бомбы. Для того, чтобы мы и впредь могли находиться под этим сказочным небом, чтобы раз навсегда закончить себя от нечеловеческих унижений и мук, терзающих Азию, Европу и Африку, от нас требуется в сущности очень малая жертва. Любая работяга в Западной Европе — с каким восторгом принял бы эти наши новые условия работы, и какими легкими показалась бы ему эти условия по сравнению с той каторгой, на которую его обрекает война!

Животрепещущая и почетная тема

Мне не понравилось слово «негодии», и я приморгал что-то относительно человечности и так далее.

Итак, рабочий класс, крестьянство и интеллигенция поняли глубокий смысл последних указов правительства.

Необходимые меры

Наш народ всегда отвечал исключительным сплочением перед лицом внешней опасности. Напряженные всех сил во время гражданской войны дали нам возможность отстоять свою государственную независимость, отстоять право существования молодой Советской Республики.

Давно пора поставить в нашем театре остро, злую сатирическую пьесу, в которой бы серьезно и глубоко отразились темы ленинства, неуважения к труду, равнодушия во всех их сущности. Книго, кажется, также не сделано ни одной картины на эту тему. А история Гончарова и Красобая, про которых рассказывал тов. Шварник, уже дают драматургическую канву для театра и кино.

Сейчас трудно представить себе, какие гигантские результаты дадут СССР последние решения правительства. Если мы всеядно говорим об оборонной теме, то вот она жизненная, животрепещущая и почетная тема, за которую надо бороться немедленно.

Мероприятия, предложенные ВПСИ и одобренные правительством, — говорится в резолюции, принятой на митинге в Делюате, — несомненно сыграют огромную роль в деле укрепления хозяйства и оборонной мощи нашей великой родины. Советская страна должна стать еще более могущественной во всех отношениях. Это задача всех трудящихся. Мы обязаны направить свои силы на укрепление нашего государства. Мы должны быть в состоянии мобилизационной готовности.

Удар по неорганизованности, по тем, кто не понимает своей ответственности перед родиной, — первоэлементы победы. Победа же никогда не давалась легко. Победу надо организовать и не только словами, но и делами. В любом обществе найдутся люди, отлынивающие от своих гражданских обязанностей. Когда все спокойно и ничто не грозит обществу в целом, с этими людьми можно говорить, убеждать, перевоспитывать. Но когда расхлябанность их опасна, решительная борьба с этой расхлябанностью необходима, революционная. Народ горючо поддерживает правительство и партию, которые организуют его на борьбу, которые сумеют сплотить его для отпора врагу.

ПОРЫВ ВПЕРЕД

Мы живем в эпоху, когда прежде всего следует быть чрезвычайно умным и дальновидным. И рад быть свидетелем того, как целым рядом последовательных и мудрых решений наша родина выходит на то место в истории человечества, которое она по праву должна занимать.

Обращение Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и постановление правительства были единодушно поддержаны коллективами сотрудников наших литературно-художественных издательств.

Мы, сотрудники издательства, — указывается далее в резолюции, — берем на себя обязательство ускорить свой рабочий день, шире развернуть социалистическое соревнование и приложить все усилия для увеличения производительности труда.

Наша социалистическая родина, созданная кровью нашего поколения, должна быть готова ко всему. Мы должны победить во всех случаях. Наша литература должна ответить на все вопросы, которые встанут перед народом. Наша литература должна разъяснить людям величие духа наших современников. И наша литература ответит на эти вопросы, безусловно ответит.

Леонид ЛЕОНОВ

Итак, рабочий класс, крестьянство и интеллигенция поняли глубокий смысл последних указов правительства.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

Эти кратко навязанные указания предназначаются не для диспутантов, а для читателей и должны помочь последним хотя бы немного разобраться в участниках литературных прений. Я говорю: в участниках, а не в предметах, ибо полемика в печати, в отличие от споров, матчей, турниров, рукобланных сватов и других разновидностей физических состязаний, вообще не имеет никаких правил. Во французской борьбе, например, не полагается хватать друг друга ниже пояса; в боксе не принято помахивать кулаком в воздухе; объявлять противника неадекватным; во время штыковой атаки считается излишним, чтобы воюющая армия оставила друг друга площадной бранью: это делают за них журналисты в тылу. Между тем, не только перечисленные выше приемы, но и многие прочие этого широкого практикуется в литературных спорах. Самое пылкое воображение бесцельно придумает что-либо такое, что дискуссионных дел мастера согласились бы признать недействительными, недобросовестными приемом, грубым выпадом или подпольным фактом. Поэтому дайте перечень и всеобъемлющий анализ всех фигур полемической красноречия не представляется возможным. В дальнейшем я рассматриваю лишь самые распространенные фигуры, встречающиеся в каждом мало-мальски порядочном литературном споре, уже не говоря о дискуссиях, поставленных на широкую ногу. Кошу охота, легко может дополнить мой список дюжины новых фигур.

1. Фигура первая. «Презирай».

Избранным оружием эту фигуру, ваш противник вверным делом спешит довести до сведения публики о своем интеллектуальном и моральном превосходстве над вами или, что тоже самое, дайте понять всем и каждому, что вы — ограниченный, простой, ничтожный, жалкий писака, тряпка, плевак, пустой сосуд, иштон, прохвост, невежда, дегенерат и вообще даже не стоите того, чтобы о вас говорить. Это авторское утверждение помогает нашему оппоненту выработать тот самоуверенный, навостряющийся и восторженный тон, который так ценится в литературной полемике. Соблюдать по отношению к противнику известную корректность — противоречит нашему характеру.

2. «Термины».

Эта фигура основана на применении специфической литературно-критической терминологии. Предполагая, вы написали, что г-н X, как вам кажется, не совсем прав. В ответ на это г-н X заявляет, что вы «напали на него из-за угла» или «всадили ему нож в спину». Допустим, что вы «полюбили себя замечать, что труды г-на X не свободны от недостатков». Тогда г-н X спешит заявить, что вы «подняли злобный вой», что вы «сходите жежделью от зависти». Точно так же в освещении вашего противника оказывается, что вы не утверждали, а «нагло клеветаете», не возражаете, а «брызгаете ядовитой слюной», не критикуете, а «обливаете грязью». При помощи подобных терминов создается ваше законченное скульптурное изображение, глядя на которое, все увидит, что вы опасный маньяк, совершенно рехнувшийся субъект и даже буйно-помешанный, будь вы в действительности так же крошки и незлобы, как будничная дама. Одновременно ваш противник любезно разъясняет, что он вынужден «называть вещи своими именами» в порядке самозащиты — чтоб огрести себя от ваших «наглых и клеветнических выпадков из-за угла».

3. Фигура третья. «Противоречье».

Основана на умелом применении вашим оппонентом исключительно таких выражений, которые могут создать о вас самое невыгодное представление. Так, например, если вы человек осмотрительный, то это значит, что вы «страдаете забывчивостью»; если вы решительный характер, это значит, вы «любите в воду, не зная броду»; если вы «добры простые и конкретные доводы, то вас характеризуют как обывате-

4. Фигура четвертая. «Питая именуется «Отрицай».

и заключается просто-напросто в отрицании всего того, что касается вашей личности и ее неотъемлемых свойств. Если вы, например, человек, склонный к углубленному мышлению, то можно, игнорируя это обстоятельство, объявить вас верхотрадом, болтуном и дилетантом. Если вы в течение десяти лет упорно утверждали, что вы верите, скажем, в Эдисона или в Чортову бабку, то на одиннадцатом году ничто не помешает вашему противнику торжественно заявить, что вы никогда не были способны подняться до веры в существование Томаса Альвы Эдисона или Чортовой бабки. Это вполне возможно потому, что непосвященный читатель все равно о вас ровным счетом ничего не знает, а посвященный будет лишь отрадаваться при виде того, как вам отказывают в том, что у вас нос на том же месте, как и у других людей.

5. Фигура пятая. «Разоблачай».

состоит в том, чтобы в процессе полемике подменить вашу истинную позицию какими-нибудь пугалом пострашнее и затем обрушиться со всем полемическим пылом на это, порожденное собственным воображением чучело. При этом оспаривают положения, которые вам не только никогда не высказывались, но которые и в голову вам не приходили. И, наконец, опровергнув эти действительно ложные и вздорные тезисы, якобы защищаемые вами, приходят к неоспоримому выводу, что вы являетесь или круглым невеждой.

6. «На войне как на войне».

— фигура, родственная предыдущей. Основана на том, что противника или защищаемый им тезис снабжают каким-нибудь произвольным ярлыком и затем вступают с ним по этому поводу в препирательство, не стесняясь в выражениях. Наибольшим распро-

7. Фигура шестая. «Хитроумный Улисс».

Суть этой фигуры в обходном маневре и углублении на территорию, совершенно чуждую предмету спора. Это позволяет замаскировать свои слабые места, оживить полемику и затянуть ее до беспощадности. Известна также под лозунгом: «звать противника измором».

8. Фигура седьмая. «Ссылака на авторитеты».

Эта фигура основана на том, что, прибравшись к любому поводу, спорщика ссылается на чужбю (не равно чужей) авторитет, скажем, «Еще Платтаров утверждал...» или «Как показал Третьяков...» При умелом обращении с источниками можно найти цитату для опровержения любой истины.

9. «Дондоло, о Катилина...»

Фигура, родственная предыдущей, однако без ссылки на авторитеты. Достаточно просто заявить: «С этим уже давно покончено. Или «Эта точка зрения уже давным-давно слета в архив...», или «Какую ребячью известность...» и так далее. Разумеется, совершенно излишне оспаривать точку зрения, которая «давно слета в архив». Читатель принимает все за чистую монету, и на долю вашего противника выпадает довольно неблагоприятная задача — защищаться, то с чем уже давно покончено.

10. «Невозможное».

Противник никогда и ни в чем не может быть прав. Достаточно признать за его утверждениями хоть ничтожную долю истины и здравого смысла, и спор проигран. Если вам не удастся опровергнуть хотя бы одно из его положений, вы всегда можете заявить: «Г-н X, пытаясь меня учить или «Г-н X, смеет козырять такими плоскими и избитыми истинами, как его пресловутые «открытия»... или «Г-н X, бьет отбой и спешит скрыться в кусты...», «Чудо из чудес! Слепая курица нашла ослепченное зерно и возвращает об этом всему миру...».

11. «Ликуй!»

Эта, едва ли не важнейшая из фигур, опирается на истину, гласную, что из литературных битв всегда надо выходить с вылом победителя. Дискуссионных дел мастера никогда не бывают побеждены: это его оппонент всегда оказывается поймавшим с поличным и бывает вынужден сложить оружие. Этим литературная полемика отличается от всякого иного спорта. Побежденный по обе стороны, борясь признает себя побежденным, но еще ни одна дискуссия в печати не кончалась заявлением: «Дай мне пожать твою руку, ибо ты меня убедил».

12. «Ликуй!»

Эта, едва ли не важнейшая из фигур, опирается на истину, гласную, что из литературных битв всегда надо выходить с вылом победителя. Дискуссионных дел мастера никогда не бывают побеждены: это его оппонент всегда оказывается поймавшим с поличным и бывает вынужден сложить оружие. Этим литературная полемика отличается от всякого иного спорта. Побежденный по обе стороны, борясь признает себя побежденным, но еще ни одна дискуссия в печати не кончалась заявлением: «Дай мне пожать твою руку, ибо ты меня убедил».

Можно было бы привести еще много других фигур, но я воздержусь от их упоминания в надежде, что историка литературы восполнит этот пробел на страницах ваших журналов и газет.

Из сборников А. Гедриса и И. Басамачиуса отобран и обработан Петрас Цирика.

ЛИТОВСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БЕДНЯК И БОГАЧ

В лесу, на берегу реки, бедняк рубил деревья. Вдруг топор — хрясь! — соскочил с топорина в реку и затонул. Опустив руки, горько заплакал бедняк.

— Ай, ай, несчастный! Чем я теперь буду рубить, на хлеб зарабатывать?

В это время — топтык, топтык — выходит из леса хромой старик с можжевеловой бородой, с хвойным носом и спрашивает:

— О чем плачешь, добрый человек? Что с тобой приключилось?

— Как мне не плакать, коли топор мой ушел в реку, а другой купить не могу, очень уж я беден. Чем теперь я буду рубить, чем на хлеб зарабатываю детям?

— Ладно, не плачь, я тебе его выловлю!

Старик скинул тулуп, снял лапти и брызнул в воду. Через минуту вынырнул с золотым топором и говорит:

— На, бери! Ведь это твой топор?

— Нет, нет! Не мой, — отвечает бедняк.

Старик опять нырнул в воду. Через минуту вынырнул с серебряным топором.

— Ой, нет! Не мой топор! — воскликнул опечаленный бедняк.

В третий раз нырнул старик и вытаскил железный топор.

— Вот это мой топор! Мой! — крикнул бедняк, припрыгывая от радости. — Спасибо тебе, старичок, за добрую помощь, за услугу.

Хотел уже было бедняк, взяв топор, бежать домой, как старик его окликнул:

— Эй, ай! — говорит: — Раз ты такой правдивый и нежадный, на, возьми и эти топоры — золотой и серебряный.

ВОПРОСЫ

- Поле рьте.
- Натчо поле?
- Ячмень сеять.
- Натчо ячмень?
- Бараны пель.
- Натчо бараны?
- Баб кормить.
- Натчо бабы?
- Порок тереть.
- Натчо порок?
- Зайцев стрелять.
- Натчо зайцы?
- Господь кормить.
- Натчо господа?
- На заборы вешать.

Перевел АЛЕКСАНДР БАУЖА.

Альманах русских писателей Белоруссии

После трехгодичного перерыва Белорусским государственным издательством выпущен в свет второй альманах русской секции союза советских писателей Белоруссии.

Русский литературный журнал Белоруссия не имеет, и альманах призван заменить его. Число русских писателей, живущих в БССР, за последние время значительно выросло. Это видно из содержания альманаха, в котором представлены писатели не только Минска, но и других городов республикан. Техник Гомельского паровозостроительного завода Борис Зубец опубликовал в альманахе свою первую большую повесть «Макопанские лютители». Из прозаических произведений напечатаны также рассказы Еф. Саловского — на исторические темы, новеллы В. Глазурова «Враг», рассказы командира Л. Шапиро. В поэтическом разделе выступают русские поэты Белоруссии — К. Титов, А. Шарпанов, А. Левина и другие.

Белгия включила в издательский план 1940 года третий альманах русских писателей, в котором кроме оригинальных произведений предполагается опубликовать переводы белорусских писателей и поэтов. Много места будет отведено и нем — творчеству белорусских писателей и журналистов, посвященных первой годовщине освобождения Белоруссии от немецкой оккупации.

Книга о Руставели

В издательстве «Советский писатель» вышла в печать книга В. Гольцева «Шота Руставели и его поэма».

В книге семь глав: «Некоторые господи по имени Руставели», «В Руставели. Проблема биографии автора «Витязя в тигровой шкуре». Социально-политическая борьба в изображении Руставели. Героизм, любовь и дружба в поэзии Руставели. Мастерство и народность.

Тема человеческого достоинства

Т. МОТЫЛЕВА

Каждый по-своему мечтает о счастье. Многие мечтают мудро, глубоко. Сумасшедший часовщик Анкер уверен, что в него влюблена дочь короля. Над ним смеются. Но этот же Анкер пытается сконструировать безвольные часы. «Часы должны быть устроены так, чтобы показывать время лишь в том случае, когда все до последнего жителя страны будет иметь все, что им нужно». А это уже не смешно...

С полными трагическим величием нарисована фигура каменотеса «Силья». Этот человек с богатырскими мускулами и голубой изобретательной выно берет и голубой доброты не может утешиться ни о каком хозинном. «Силья» обрывает гранитную скульптуру по модели, данной художником, но требует за это «половинку сланца». Он вносит ценные поправки в проект мола, сделанный инженером, но хочет за это не денег, а «слои в руковождении и в чести». Когда в ответ на эти требования его высмеивают, «Силья» вовсе отбрасывается от работы, бегает, шныряет: «Зачем же я буду делать работу, а почет достается другим?»

Сын «Силья», Мортек, друг Пелле — поэт, мечтатель, унаследовавший от отца обостренное чувство классовой чести. «Я требую, чтобы рабочий лотчал за свой труд столько же, сколько врач или адвокат, и был бы так же образован. Вот тебе мой символ веры!»

Так показываем Нексе разные формы проявления протеста против эксплуатации, против социальной несправедливости. При всем разнообразии типов, при всей разнице уровней развития всех этих героев Нексе объединяет одно. Ни эксплуатация существующая, ни житейного благополучия хотят они: нет, для них самое важное — честь, достоинство, справедливость. Сын крестьянина, Лясе и Калле, дорожат своим личным достоинством. Горючие рабочие — истинны и, в конечном счете, и социально — дорожат достоинством класса.

С большим талантом рисует Нексе сознательного протестария, ветерана рабочего движения, камешника Столте. Этот строгий старик, патриархальный глава семейства, которого младшие дети не смеваются называть на «ты», авторитарно-экономическим пылом, когда вмешивается о героических днях Первого интернационала, о славных и поединке, о столкновениях с солдатами. Как святыню, хранил он в потайной шкатулке старое красное знамя. О чем бы ни говорили в семье Столте, разговор переходит на вопросы социалистического движения. «Это были славыные, прямолинейные люди, делавшие людей за две категории: тех, кто был с ними, и тех, кто был против. Пелле как-то особенно легко дышалось в этом доме, где, кажется, даже омыл воздухом был пропитан социализмом».

В образе Пелле синтетически сочетаются те черты, те чувства, которые мы находим у других персонажей романа. Пелле — это и истинный независимый, илюзорности. Но Пелле ни в коем случае не поэт на реформистского крохотного профсоюзника. Он никогда не ограничивает себя частными завлечениями, частными требованиями. Он хочет добиться равного обновления жизни. Хотел бы добиться достойного человека устойчивого существования для всего протестария. Он общается в выборе путей, но бесшумно находит цель своей борьбы. Мальчишеский инстинкт чести и независимости у взрослого Пелле претворяется в сознательное стремление к социализму. Это — естественный, логический ход развития.

Тема человеческого достоинства — кардинальная, сквозная тема всего творчества Нексе. Она определяет собой и образ Дитя и романа «Дитя человеческого», и лучшие из его новелл.

Вспомним опять Энгельса: «Единственной ареной проявления человеческого чувства для рабочего остался протест против его положения. Поэтому вполне естественно, что именно в этом протесте рабочие должны обнаружить самые симпатичные, самые благородные, самые человеческие свои черты».

Это и показывает Нексе. О том, как протестарий страдает, писал до Нексе. О том, как протестарий борется, тоже писал до него. Но о том, как чувство человеческого достоинства с необходимостью приводит протестария к борьбе против самых основ эксплуататорского строя, и о том, как в своем протесте, своей борьбе протестарий проявляет лучшие стороны своей человеческой природы, — об этом Нексе в западной литературе написал первым.

«Человек — святыня», — говорит Мортек в «Пелле-защителе».

«Человек — святыня», — повторяет рабчий Карл в романе «Дитя человеческого».

Так Нексе переживает с великим значительным социалистическим литературным, сказавшим: «Человек — это звучит гордо».

Литературная газета

№ 36

Поэтический гений Грузии

Выступление академика И. К. Луппола на торжественном заседании
правительственного юбилейного комитета памяти Акакия Церетели.

Есть в истории человечества, в истории отдельных народов славные страницы, которые, сделав достоянием прошлого, вместе с тем, остаются национальным достоянием народа. Это страницы незабываемые, неповторимые. Это страницы из которых составлена история формирования и развития самой нации и национального сознания в различные этапы жизни народа.

Разные народы в разные эпохи проходили такие этапы своей истории, и каждый — с присущим ему своеобразием: одни — раньше, другие — позже, одни — мягко, другие — мучительно, но каждый народ имеет свой национальный пантеон, в который с благодарностью и уважением вносит имена тех, кто пробуждал национальное сознание, воспитывал и развивал его.

На основе обобщения мировой истории гениально разработал и в чеканных формулах изложил теорию сложенности людей в нации Н. В. Сталин. Вооруженные этой стальной теорией, мы теперь ясно прочтываем эти страницы в истории каждого народа. И те люди, делом жизни которых было пробуждение и формирование национального сознания у своих народов, встают перед нами из глубины истории как национальные гении. Таковы Гете и Шиллер в Германии, таковы Вольтер, Дидро и Руссо во Франции, таковы русские Ломоносов, Радищев и Пушкин, таковы в Грузии Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. В интернациональном плане они близки всем нам, но каждый из них был прежде всего сыном своего народа.

А. Церетели прожил 75 лет, но, конечно, его эпоха — это великий исторический переворот от 1861 года к 1905 году. В эти годы самодеятельно-крестьянческая Россия превращалась в Россию буржуазно-помещичью путем насильственного капитализма сверху и роста его снизу.

В этот социально-исторический процесс втягивалась и Грузия, но дело здесь значительно осложнялось тем, что к социальному гнету, нависшему над народными массами, добавлялся еще гнет национальный — со стороны русского царизма.

Лирика, басня, сатира, поэмы — на службе не у царя, а у народа. Это — народная поэзия, народная поэзия. Народная поэзия, народная поэзия. Народная поэзия, народная поэзия.

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

А. Церетели борется против русского самодержавия и сужения самодеятельности Грузии, с одной стороны, и против национального гнета русского царизма и против социального гнета отечественных крепостников. При этом он резко враждебно национальному шовинизму. В «Беседе между отцом и сыном» Акакий Церетели писал: «Шовинизм и мерзостью является то, когда все без разбора, даже плохое из жизни твоей нации тебе нравится, и ты добиваешься благоденствия собственной нации ценой несчастия других наций. Нам что-нибудь подобное никогда и в голову не приходило».

Я беру мою конюшу,
Чтобы правде поступила,
Чтоб она, встречая бурю,
Мысль на бой вооружила.

Чтобы песня огушла
Слезу тысяч угнетенных,
Угнетателей сварила
Целой тучей стрел каменных.

В этом смысле все поэтическое творчество Акакия Церетели, в этом он весь как поэт, в этом, по его мысли, и название поэзии.

Откуда и любимые у Акакия Церетели образы поэта. Один из них обусловлен историческими особенностями эпохи и воодушевлен религиозным переживанием, однако в нем нет ни следа эсхатологического, политического или абстрактного — необычайный поэт сравнивает себя со святой, горящей и сгорающей перед иконой. Но икона эта — не какой-либо «святой угодник божи», а родина:

В иконостае мирозданья
Отчизны образ всех мнений,
И не законно ли желание
Плыть и таять перед ней?
Другой образ поэта у Акакия Церетели — образ плечи.

Плеча собирает с плечев сок, перерабатывает его в мед для того, чтобы людям пожевать без остатка:
И, если гроза наступит
Летящую восновяс,
Она, среди листьев прячась,
Забывает о припаде.

Если ж полет ее мяркий
Хищником будет расстрелен,
Она его сметет жалом.
Пролетит и умрет, как вои.

В программном стихотворении «Назначение поэта» Акакий Церетели поэтическим средствами еще более уточняет образ поэта, как он рисует его. Поэт — иногда соловей, а иногда должен уметь быть и вороном, — в этом его назначение. Поэт — соловей для родины, для народа, для друзей; но поэт — грозный ворон для врагов родины, для угнетателей народа, для недругов.

Основной девиз его, основное намерение поэта —

Хвала и честь друзьям народа —
Хвала врагам его несметаным.
Гром их черную породу
Ударом метким и испытанным.

Для друга ястреба задрыванной чары
И трех раската соловья,
Для истребителя — мякиш овсярки
Да злость шипения змееного.

Таким поэтом был сам А. Церетели, таковы были и его заветы. Думается, что эти поэтические заветы Акакия Церетели сохраняют всю свою силу и по сей день. Прозревая своим поэтическим оком будущее, он говорил:

Я вижу, словно с вышки башенной,
Родную землю разукрашенную.
Такой хотел видеть ее А. Церетели. Он не дождался воплощения своей поэтической мечты, которую лелеял всю жизнь и к воплощению которой встал свой народ.

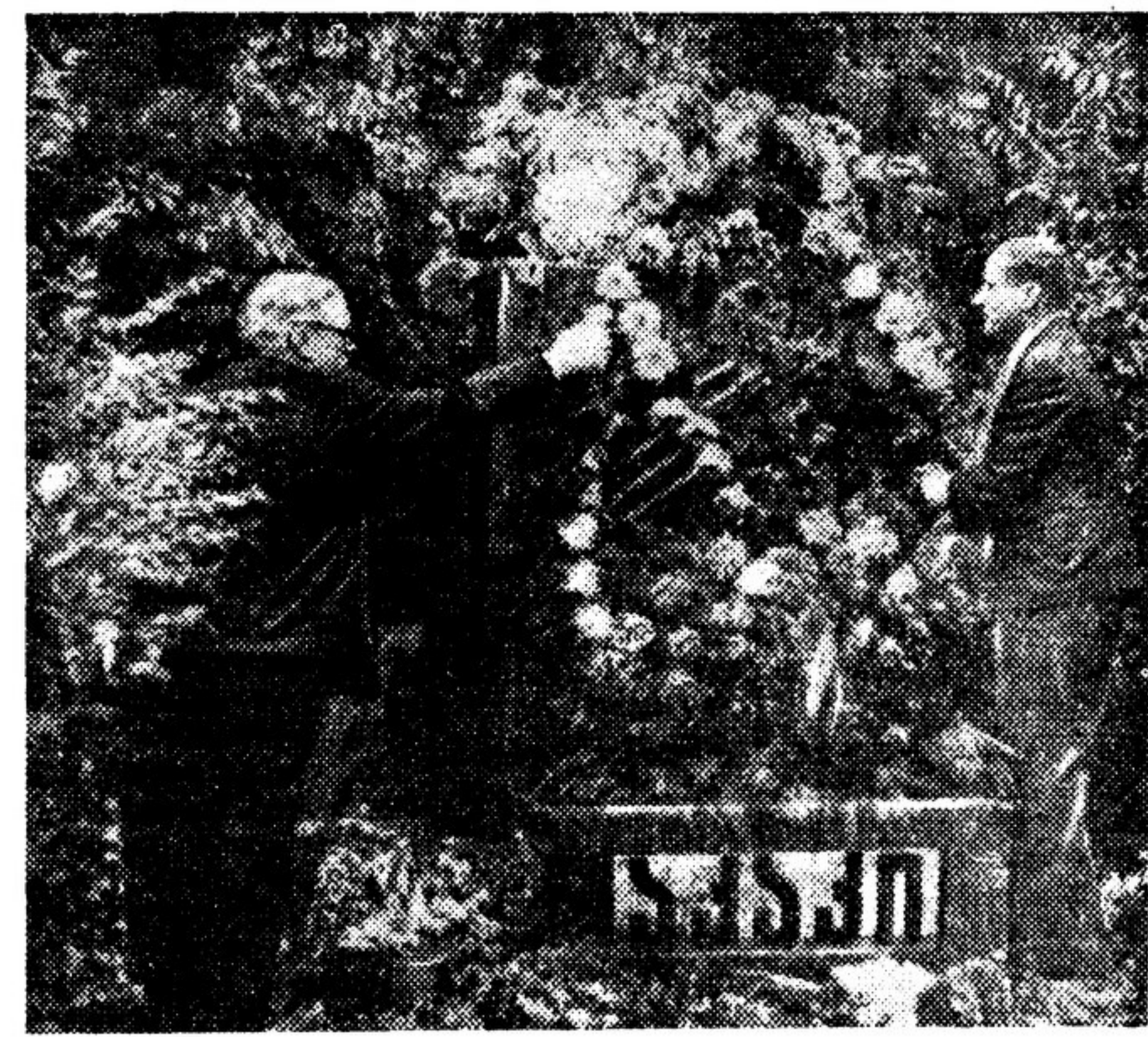
Но рабочие и крестьяне Грузии в тесной семье всех братских советских народов под водительством большевиков, во главе с великими Лениным и Сталиным, превратили эту мечту в действительность.

Свободен край, покрытый славом,
Дороги гор ныне проведены,
Страна Акакия Церетели стала свободной социалистической страной. Она шагнула далеко вперед, туда, куда не могла еще стремиться и мысль Акакия, своей поэтической душой он ведь выстрадал только первые шаги национально-освободительного движения Грузии. Но память о нем жива и в советской Грузии и во всех братских советских республиках, выстрадавших в борьбе и революции полное освобождение от царизма, от помещиков и капиталистов.

Имя великого Акакия Церетели навечно входит в пантеон народов Советского Союза.

Акакий Церетели принадлежит к числу величайших писателей Грузии, — называет свой доклад тов. Леван Асатиани. Литературное наследие великого грузинского поэта проникнуто теми же высокими идеями и глубокими чувствами, которые характерны для творчества Пушкина, Шевченко, Толстого, Тургенева, М. Ф. Ахундова и других крупнейших народных поэтов.

На протяжении многих десятилетий, в условиях жестокого самодержавного строя, он, чудесный выразитель народных чаяний и дум, вносил в сознание своих современников горную уверенность в правду, свободу, счастье, будущее; он воспевал народных героев, беззаветно преданных родине, он с удивительным упорством боролся против всех угнетателей народных масс, выступал за высокие идеи братства и интернациональной солидарности народов.

22 июня на могиле великого грузинского поэта Акакия Церетели (гора Мтацмнда) состоялся многолюдный митинг, посвященный 100-летию со дня рождения поэта. На митинге выступили представители литературы братских республик. На снимке (слева): выступление академика И. Луппола; справа — возложение венков на могилу поэта. Фото В. Столярова и О. Будежского (Тбилиси).

ПОЕЗДКА В СХВИТОРИ

Писатели на родине Акакия Церетели

СХВИТОРИ. (От нашего спец. корр.)

Верхняя Имеретия, селение Схвитори близ Сахери, родина Акакия Церетели. Здесь, откуда из Тбилиси лежит через Гори, мимо маргарицких рушников Чхатури. На станции Шоралани переосаживается на поезд узкоколейной дороги и едем вверх по Кахпильскому ущелью.

Мы выехали в дождливое туманное утро; серые облачка касались гор, туман покрыл ущелье и пенялся за крыши вагончиков. Но временная непогода не отговорила наших привычных представителей о солнечной Грузии. Очарование этого далекого уголка страны, о которой так вдохновенно писал Церетели, надолго останется в памяти.

Река делает неожиданный поворот, его поворот поездов, и вот мы в Сахери. Кажется, что все местное население вышло встречать гостей. Городец приважен. Не найдется ни одного дома, балкона, окна, не украшенного цветами, портретами, зелеными листьями, красными полотнищами из которых начертано имя Акакия Церетели.

Недалеко от Сахери, на склоне горы, откуда открывается живописный вид на огромную долину реки Чхури, раскинулось маленькое селение Схвитори. Вот и небольшая духахава, где родился и умер Акакий Церетели. «На холме, у самого берега Чхури, стоит двухэтажный кирпичный дом, — писал Церетели в «Режимом». — Высотой это складное зда-

ние — с небольшой башней, по длине оно не уступает доброй дворцу, стены его — точно у крепости. И все-таки оно не подходит ни на одно из этих сооружений».

Здесь Церетели написал свои крупнейшие произведения, такие как «Торнике Эристави». Дом украшен цветами, портретами Ленина и Сталина. В центре фасада — три больших портрета Шота Руставели, Акакия Церетели и Тараса Шевченко, а на полотнище слова поэта: «Этого обидно, это случилось, сейчас смеюсь и больше не плачу».

Да, это случилось. Вот пришли сюда тысячи людей, среди них ближайшие друзья Акакия, старшие Савино Гоцадзе и Георгий Забахидзе из колхоза имени народного поэта. Здесь, у подножья горы, до позднего вечера шли народные торжества с чествованием свободы Грузии.

В историческом доме, где все мы собрались, есть одна комната в которую нельзя войти без разрешения. Огараниями мной старушки Аннико Абдушеливили вот уже 25 лет комнаты, в которой провел свои последние минуты Акакий Церетели, осталась такой, какой была в час его смерти.

У окна стоит кровать, на которой он умер. Отсюда видны горы, река, долина. Здесь же, у постели на стуле, пыльная коробка спичек фабрики «Истина», недогоревшая свеча, пенсне в футляре и обыкновенные часы, остановившие свой бег в февральскую полночь четверть века назад.

В. НАПЛЮН

Малознакомый портрет А. ЦЕРТЕЛИ

И если русское национальное сознание закалялось и укреплялось. Радищевым и Пушкиным в борьбе против самодержавно-крепостнического режима, то национальное сознание в Грузии формировалось и укреплялось в борьбе против социального и национального гнета всей системы русского самодержавия. Поэтому национальное чувство страдалось здесь с освобожденными устремлениями и все это принимало характер мощного национального освободительного движения. Так вырисовывается перед нами колоритная фигура Акакия Церетели — крупнейшего борца за национально-освободительное движение грузинского народа.

Смолом коридора воспринял юный Акакий тот народный дух, тот подлинный демократизм, который характеризует его во всей его сознательной жизни.

В устах одного из первоиздателей «Переводов» Церетели вкладывают слова: «Природа Грузии для них (для Грузии) все — и картинная галерея, и школа. Но ведь природа эта — воспитательница из мечтаний». И в самом деле, природа Грузии была для А. Церетели и школой, и художественной галереей, и воспитательным мечтанием. Так родной грузинский народ и родная природа Грузии с детства овладевали им, и воображением, и творческим вдохновенным поэтом.

Дальнейшие влияния пришли на севере, в Петербурге, но не со стороны Петербурга — гвардейско-аристократического или бюрократического, а со стороны Петербурга — революционно-демократического.

Великие русские люди — Чернышевский, Добролюбов, Некрасов — революционные демократы 60-х годов, — вот от кого получил Акакий Церетели импульсы для своей дальнейшей работы на родине и ради родины.

Импульсы этот был двойного значения — и идеологического и литературного.

Основной вопрос эстетической диссертации Чернышевского 1856 г. прозвучал в сознании Церетели как дилемма: «Искусство для искусства или искусство для жизни?».

Он принял решение Чернышевского — «искусство для жизни», но это решение означало у А. Церетели — искусство для родины, для народа, искусство — на службе национально-освободительной идеи.

Основная направленность Чернышевского — против самодержавно-крепостнического строя — была неким воспринятым А. Церетели, эта направленность составляла основную идейную стержень всего его творчества.

Он начал с переводов Лермонтова на грузинский язык, но эта лермонтовская традиция в самом ее начале стала — идеями — лермонтовско-некрасовской традицией. От некрасовских тем и мотивов идет у Акакия Церетели его ранние стихи «Трудовая песня» (1861) и «Воспоминание» (1863), от поэтов «Искры» — «Знарок аелянцы» (1861), «Беззаботный человек» (1865), «Молитва некрасовых» (1869).

Отсюда же, от лермонтовско-некрасовской русской поэтической традиции, идет его реализм, вместе с реализмом Илья Чавчавадзе решительно вступающий в поэтическую традицию Грузии.

Отсюда же, наконец, идут социальные мотивы поэтического творчества Акакия Церетели, всецело завладевшие его лирикой с самого ее начала.

Это вовсе не означает, что Церетели некрасовской поэтической формы. Зачем искать ее «образцов» у кого-то? Она была подлинная Акакия всем предшествовавшим развитием грузинской поэзии, грузинской народной песни, она была делом поэтического гения самого А. Церетели.

В его творчестве — становление национального сознания Грузии. Его поэзия, его

МАСТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Из доклада Левана Асатиани на пленуме Союза советских писателей Грузии

Акакий Церетели принадлежит к числу величайших писателей Грузии, — называет свой доклад тов. Леван Асатиани. Литературное наследие великого грузинского поэта проникнуто теми же высокими идеями и глубокими чувствами, которые характерны для творчества Пушкина, Шевченко, Толстого, Тургенева, М. Ф. Ахундова и других крупнейших народных поэтов.

На протяжении многих десятилетий, в условиях жестокого самодержавного строя, он, чудесный выразитель народных чаяний и дум, вносил в сознание своих современников горную уверенность в правду, свободу, счастье, будущее; он воспевал народных героев, беззаветно преданных родине, он с удивительным упорством боролся против всех угнетателей народных масс, выступал за высокие идеи братства и интернациональной солидарности народов.

Акакий Церетели оставил незабываемый след во всех областях общественной и умственной жизни Грузии XIX века.

Как поэт и общественный деятель Акакий Церетели органически был связан с жизнью Грузии. Он хорошо был знаком с историей и современным состоянием своего народа, с его нуждами, укладом жизни, бытом и обычаями. Это обстоятельство давало возможность поэту выплывать в сердце народа, отразить его чувства и чаяния, его сокровенные думы и надежды на будущее.

В этом основа жизнестойкости творческого наследия Акакия Церетели, этим объясняется его широкая популярность и близость к народным массам, в этом секрет любви, которой он еще при жизни пользовался в родном народе.

Социальное мировоззрение Акакия Церетели выработалось под влиянием революционно-демократического движения 60-х годов. Будучи питомцем петербургского университета, вращаясь в пору студенчества среди передовой радикальной молодежи, имеющей близкое сопереживание к кругу «Современника», он воспринял передовые идеи эпохи, до конца жизни оставаясь непримиримым врагом всякого угнетения, борясь за интересы народа.

От Н. П. Чернышевского и других идеологов революционно-демократического мировоззрения он воспринял новые эстетические принципы, которые легли в основу его творческого метода и явились источником для дальнейшего его поэтического творчества. Цель и назначение своей поэзии Акакий Церетели видел в отражении действительности, в борьбе против несправедливого социального и политического строя, в служении обществу, на-

роду, своей родине. «Литература и всегда считался орудием борьбы и служения потребности дня, — писал поэт в одной своей статье, — в произведениях поэта мы должны усматривать все, что поучительно его сердцу, выражающее чаяния народа».

Акакий Церетели является весьма многообразным поэтом. Будучи крупнейшим лириком, он вместе с этим создал ряд замечательных поэм и стихотворных драматических произведений. Его перу принадлежат памфлеты и сатиры, фельетоны и публицистические статьи, исторические хроники и новеллы, большие повести и поэтизированные воспоминания.

С большой любовью и мастерством Акакий Церетели работал также в области детской литературы и создал большое количество стихов, рассказов и сказок, на которых воспитывались целые поколения детей.

Среди классиков грузинской поэзии он наряду с Руставели, Бараташвили, Чавчавадзе и Важа Пшавеладзе занимает одно из первых, самых почетных мест. Акакий Церетели вместе с Ильей Чавчавадзе, выступив на сцену архаической плеяды до-романтических поэтов-романтиков, являлся великим новатором литературного языка. Грузинскому поэтическому слову он придал удивительную легкость, яркость, музыкальную певучесть. Он обладал абсолютным слухом и являлся виртуозом версификационного искусства. В истории грузинской поэзии нет другого поэта, кроме Руставели и Гурамшвили, который мог бы сравниться с ним в мелодичности стиха, в виртуозности стихотворной формы, в умении перелести в поэтическом слове тончайшие нюансы мыслей и чувств. Язык его по авторитетному определению Илья Чавчавадзе, «исполнен простоты и очарования». Его поэтические образы, метафоры, эпитеты отличаются разительной яркостью, смелостью, новизной. Акакий Церетели был глубоким знатком народного творчества, жизненно-источником которого штудировал его дарование еще с юных лет. Именно эти источники народной поэзии придают его творениям неувядаемую силу обаяния, свежесть, простоту и яркость поэтического красок.

Уже в ранних стихотворениях, написанных в пору студенчества, Акакий Церетели намечает основную тематику своего поэтического творчества. Главная тема у него — борьба за освобождение родины от гнета царизма.

В его поэзии выявляются зародившиеся мотивы — очень яркие и характерные

для всего последующего поэтического творчества Акакия Церетели, — мотивы социального порядка, мотивы борьбы и protesta против классового угнетения трудящихся масс крепостниками, буржуазией, царской самодержавной властью.

Впервые в грузинской поэзии он широко использовал общественно-политическую тематику, чем неизмеримо расширил и углубил социальную значимость новой грузинской литературы, раздвинул рамки ее воздействия на широчайшие слои народа. В этом заключается главная общественно-историческая ценность творчества Акакия Церетели в развитии грузинской культуры, в общем ходе национально-революционного движения Грузии XIX века.

Но не только нечая и элегические настроения характерны для патристической лирики Акакия Церетели. Большим числом его стихов овеяно бодром духом оптимизма, твердой, почти фанатической верой в грядущую свободу, в счастье народа. Он иногда сравнивал свою родину со спящей бабой, которая воспрянет от сна, на зло всем своим врагам.

В своих поэмах Акакий Церетели изображал отдельные драматические моменты грузинской истории, борьбу его лучших сынов против внешних завоевателей, их беспримерный героизм и самоотверженность.

Несмотря на то, что тематика этих поэм уходит в историю старой Грузии, идейное содержание и общая тенденция их выявляют в авторе передового человека XIX века, прогрессивно мыслящего художника, поэта-борца, который на исторических примерах прошлого показывал современникам образцы беззаветной преданности родине.

К лучшим поэмам Акакия Церетели относятся: «Батраг Великий», «Наташа», «Торнике Эристави», «Воспитатель», драматические поэмы: «Тамара Коварная», «Маленький катинчик» и др.

Но было бы одно значительное явление в жизни народа, на которое не отозвался бы Акакий Церетели своим замечательным стихом.

1 марта 1881 г., получив известие об убийстве императора Александра II, он пишет знаменитое стихотворение «Весна», прославлявшее мило близких глаз царской ценизуры и напечатанное в тбилисской газете «Дроба». Это стихотворение чуть ли не на другой же день было известно всей стране. Поэт едва спускался от Сибири.

В 1905 г., в бурные дни первой ре-

волюции, Акакий Церетели создал ряд блестящих стихов, в которых, выразив волю народного гнева против царского самодержавия, воспел героизм, мужество и самоотверженность революционного рабочего класса, ищущего на баррикады против царизма.

Акакий Церетели оставил значительное наследие в области художественной прозы. Среди многочисленных рассказов и новелл особенно надо отметить прекрасную историческую повесть «Ваши Азуч» — из жизни Грузии XVII века — и замечательную автобиографическую хронику «История моей жизни».

Среди грузинских писателей Акакий Церетели был одним из самых выдающихся и переключенных журналистов, во многом содействовавших развитию грузинской политической и литературной прессы XIX века. Его знаменитые фельетоны на злобу дня, написанные в стихах и прозе, были могучим орудием борьбы против врагов народа.

Велики заслуги Акакия Церетели и в развитии грузинского театрального искусства.

Он был борцом за идейный театр, эстетическое искусство считал одним из лучших орудий пропаганды передовых социальных и политических идей.

Перу Акакия принадлежит много пьес, комедии, драмы, сценные прощальные высочайшими плеями патриотизма и интернациональной солидарности народов.

Будучи замечательным знатоком народной поэзии, он первый заложил основу идею собрания и изучения народного творчества.

Акакий Церетели внес свою большую творческую лепту во все области культурной и политической жизни Грузии XIX века, его роль и заслуги в деле социального пробуждения грузинского народа, в деле развития его национально-революционного самосознания неизмеримы.

В одной газетной статье Акакий Церетели писал: «Наш труд сегодня, — это труд сеятелей, — будущее даш плоды. Если нам не дожить до этого дня, так наши дети доживут, и они по достоинству оценят наши сегодняшние деяния».

Акакий Церетели был прав.

Советский народ ценит и уважает великий труд лучших борцов за дело трудящихся. Он бережно хранит память великих сынов родины, посвятивших всю свою жизнь, всю силу своего творческого таланта грядущей светлой, свободной жизни угнетенных масс.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ «ИЗМАИЛ-БЕЯ»

На защите диссертации

С легкой руки Шевырева, поместившего в 1841 г. в «Москвитинине» рецензию на первое издание стихов Лермонтова, в котором он бросил молодому поэту такое обвинение в отсутствии оригинальности, стало своего рода традицией находить в ранних кавказских поэмах Лермонтова следы подражания русским и иностранным поэтам. Так, например, сюжет лучшей из этих поэм — «Измаил-Бей» был, по мнению В. Спасовича и польского критика С. Вязовского, взят Лермонтовым из поэм Мицкевича «Конрад Валленрод». Ряд исследователей, в том числе автор известной работы о Лермонтове на французском языке — Э. Дюшоа, находил в «Измаил-Бей» следы заимствования из байроновского «Гяура», «Манфред» и «Дарнаний» и за поэмой Уолтера Скотта «Дама озера».

По имени Лермонтов поэт С. А. Андреев-Кривич, защитивший недавно в ИФЛИН свою диссертацию на тему «Лермонтов и Кавказ». Основываясь на неисследованных архивных материалах, на обширной литературе по истории Кавказа и кавказских войн, Андреев-Кривич удалось установить факты, не только опровергающие установившиеся точки зрения на происхождение кавказских поэм, но являющиеся ценным открытием в области лермонтоведения.

Андреев-Кривич пришел к выводу, что сюжет поэм «Измаил-Бей» не мог быть заимствован Лермонтовым ни у кого из его современников. Измаил-Бей — реально существовавшая личность, трагическая судьба которой довольно точно воспроизведена поэтом в одноименной поэме. Юный кабардинский князь Измаил-Бей Атажук, вместе с другими юношами из влиятельных кабардинских фамилий, был взят в 80-х годах XVIII столетия в качестве «аманата» (заложника) командующими русскими войсками на Кавказе генералом Потемкиным и отправлен им к своему родственнику, ставшему князем Г. А. Потемкину. Измаил-Бей получил образование в России и был принят на службу в русскую армию. По предисловию Потемкина, бывовольшею к молодому кабардинскому князю, он был провозглашен в премьер-майоры. Имя Измаил-Бей упоминается даже в одном из писем Екатерины II к своему фавориту.

В 1792 году Измаил-Бей вернулся в Кабарду и вскоре принял участие в организации восстания. Это восстание было подавлено в 1794—95 годах, и Измаил-Бей, вместе со своим братом, премьер-майором Атажуком Атажуким, и полковником Атажуком Хамураимом, также принимавшим участие в подавлении восстания, был сослан в Екатеринбург. Но и вдали от родной Кабарды Измаил-Бей продолжал тревожиться за судьбу своего народа. В 1804 году он полкал Александру I записку, в которой обращал внимание царя на тяжелое положение горцев на Кавказе, а также умолял вернуть их к родному краю, что «смирить слово» горских жителей никогда возможности не будет». Измаил-Бей советовал улучшить отношения с населением только мирными средствами. Александр отнесся благожелательно к Измаил-Бей и разрешил ему вернуться на родину. Александр I велел даже специальные указы, в котором предлагал командующему войсками на Кавказе князю Цицианову использовать способности и познания Измаил-Бей при сношениях с местным населением.

Но русское правительство на Кавказе отнеслось к предложениям Измаил-Бей с явной враждебностью. У него нет ни преданности, ни усердия к деятельности, касающейся до пользы России», — писал в одном из докладов управляющим Большой и Малой Кабардой генерал-майор Дельмошон.

Отношение углубилось еще больше после того, как начатые Измаил-Бей переговоры с матежскими князьями — бежавшими на скалах родным братом Измаил-Бей Адиль-Гарем, Атажуку Атажуким и Рослаббеком Мисостовым, не дали никакого результата. Доверие к Измаил-Бей было окончательно подорвано после того, как до командующего войсками на Кавказе дошли слухи, что полковник князь Измаил Атажук из своих подвластных и разрозненных родов самовольно начал устраивать близость Константинополю — в Бештовском лесу кош, который так, как и прежде сего было, убежищем служат неблагодарным». Но приказу командующего кавказской линией генерала Булгакова кош этот,

спожожен им на что другое, как на гнездо хищников, был уничтожен. Интересно сохранившиеся в одном из официальных документов описание встречи генерала Булгакова с Измаил-Бейем. Узнав о большом скоплении кабардинцев недалеко от станицы Прохладной, Булгаков немедленно направился туда, чтобы узнать причину сбора.

Находящийся здесь Измаил-Бей, — так говорится в этом документе, — с самым наглым видом отвечал Булгакову, пренебрежительно отвечая другим собравшимся, что он собрал кабардинцев для своей доброты.

Заявление Булгакова, что без его ведома он не вправе собирать подобные собрания, вызвало еще более резкий выпад со стороны Измаил-Бей, который, «как будто пришел в восторг», воскликнул: «Что ты скажешь дерзко своим словам? Что ты шутишь, что ли? Я прощаю от древней кабардинской княжеской фамилии, и буди старее всех прочих кабардинских князей, во всякое время имею право делать таковыя собрания».

Измаил-Бей отказывался подчиниться требованию Булгакова, запретишего ему присутствие от имени свода, и с совершенным пренебрежением к высочайше поставленной над ним власти говорил еще грубее и пренебрежительно, что ему не только выше высокопростоупающего, но и никто воспретит сего не может».

Вырвавшийся из официальных документов и свидетельств современников облик Измаил-Бей очень близок к романтическому образу, созданному Лермонтовым. Многие детали из биографии Измаил-Бей Атажукова Лермонтов без всяких изменений перенес в свою поэм.

«Ты знаешь верно, что служил В российском войске Измаил! Но, образованный, меж нами Родным бредил он поэтиям.

Современники, знавшие Измаил-Бей, подтверждают, что он был европейски образованным человеком, хорошо владевшим русским и французскими языками. В связи с раскрытием С. А. Андреев-Кривич фактами некоторые места лермонтовской поэмы получают теперь новое толкование. Так, например, заключительные строки поэмы, в которых говорится о том, что черемис, растегнутый черемис убитого Измаил-Бей, увидел на его груди «белый крест на ленте полосатой», до сих пор толковались как указание на то, что Измаил-Бей тайно от своих соратников перешел в православие. Подлинный же смысл этих строк поэмы стал теперь ясен. Измаил-Бей Атажук, а точнее в войне против шведов был награжден орденом Георгия IV степени, а этот орден имел форму белого креста и прикреплялся к полосатой ленте.

В поэме Лермонтова Измаил-Бей полагает от руки своего брата Рослаббека. С. А. Андреев-Кривич выяснил, что многие факты из биографии матежского князя Рослаббека Мисостова, с которым Измаил-Бей в 1804 г. безуспешно вел переговоры, также могу быть использованы Лермонтовым. В частности, теперь выяснено, что Рослаббеком Мисостов в действительности принадлежал к роду Атажукимых, фамилия же Мисостов была дана ему, как это часто практиковалось у кабардинцев, по имени отца, которого звали Мисостом. Таким образом, и тут Лермонтов старался прилепляться к историческим фактам. Он не нашел нужным даже изменить имена главных действующих лиц своей поэмы.

Сторонники теории заимствования в лермонтоведении обычно считали, что так же сильно отразилась литературная влияния в лермонтовских поэмах «Аул Бастурия» и «Каллы». Опровергая это утверждение, С. А. Андреев-Кривич доказывает, что в основу сюжета этих поэм Лермонтовым положены подлинные кабардинские народные сказания. В работе Андреев-Кривича содержатся также интересные факты, по-новому освещающие пребывание Лермонтова в Тенгисском полку.

Диссертация «Лермонтов и Кавказ» вызвала большой интерес в кругу лермонтоведов. Защищу эту диссертацию аспирант ИФЛИН С. А. Андреев-Кривич при условии звание кандидата наук. Его работа будет напечатана в специальном лермонтовском сборнике, выпускаемом Академией наук СССР к столетней годовщине со дня смерти поэта.

Р. ПЕРОВ.

А. РОСКИН

Театр без названия

История Художественного театра начинается с легкой саля в Пушкине. Было бы везло думать, что отсутствовало помещения и необходимых средств, есть лучшее начало для нового театра. Однако очень хорошо, когда люди, создающие этот новый театр, готовы жертвовать многим ради него, говорят о нем, как о своей личной судьбе, а не только как о новой службе.

В прошлом сезоне в Москве открылся Театр комедии. Театр, видимо, полагал, что в Кальдероне достаточно занять лишь декоратора и администратора, что для старинной испанской комедии в стихах хватит дородного оформления и большой афиши.

Нельзя открывать новый театр, не улетев только говорить, чего собственно хотят актеры, пришедшие в него.

Новый театр — это не только смета, не большие афиши и разгортываемые администраторы, а новое ощущение театрального искусства. Об этом очень хорошо напоминает спектакль студии, созданной драматургом А. П. Арбузовым и молодым режиссером В. П. Луцкем.

Для первой своей работы молодые актеры студии захотели сыграть пьесу о своей молодости, о своем месте в жизни, о своем ощущении нашего времени. Такой пьесы, еще не игранных в театре, которая в полной мере удовлетворила бы молодых актеров, не оказалось. Студийцы написали ее сами. Можно ли утверждать их в самонадеянности?

Конечно, много несовершенного и рыхлого в написанной студией пьесе «Город на заре» — пьесе о строительстве космополитизма нового города среди дельневосточной тайги. Но в пьесе есть человеческие характеры, не только интересное замечание, но и показанные в откровенности настоящего искусства, есть чистота и верность тона. В целом пьеса — спектакль (ибо в данном случае трудно отделить литературное произведение от театральной работы) производит впечатление свежего и талантливого опыта.

Помещения у студии нет. Свою пьесу студенты показывали в одной школе. Через несколько минут после начала спектакля уже не замечались ни парты, ни классная доска: бы видели Амур и тайгу. Так, словно издеваясь над театральными художниками, которые склонны превращать сцену в комиссионный магазин с дорогими вещами и пахлыми картинками, действовали настоящие законы театра и искреннее, молодое увлечение той театральностью, которая есть прежде всего средство выразить современность.

Очень часто студийные коллективы, ставя первый спектакль, или скучно притворяются «настоящими» театрами, или демонстрируют свое новаторство, или дежурно пытаются выделиться, или дежурно пытаются выделиться, или дежурно пытаются выделиться. Спектакль «Город на заре» в студии Арбузова и Луцке не демонстрирует, а рассказывает. В нем, в самой режиссерской работе, очень талантливой, есть хорошая повествовательность, порядок, уже позабытая в нашем театре.

Отлично, что новая студия смогла создать интереснейший спектакль, не думая о сметах и марше с безыскусностью. Однако следует видеть так, чтобы зритель, желающий увидеть работу студии, не находил бы самим подыскать на один вечер помещение для этого спектакля.

Спектакль «Город на заре» уже писался. Работа студии была оценена очень высоко. Это заставило Комитет по делам искусств заинтересоваться студией и обещать ей материальную и организационную поддержку. Однако Комитет ограничился в конце концов только тем, что согласился погасить небольшой долг студии за наш школьный помещения. Студия попрежнему без самых скромных средств, попрежнему ее работники не знают, имеют ли они вообще право называть свое содружество «студией».

Думается, что талантливая работа молодого коллектива дает ему право на гораздо большее внимание.

В Детиздате готовятся к печати книга А. Е. Адалис «Азербери». Книга иллюстрирована художником Е. В. Авалияни. На снимке — иллюстрация к книге.

Виктор ГУСЕВ

Мысли о герое

Строгие и великие события последних месяцев не могли не отразиться на нашем искусстве. Страна громила врага со эпохальным мужеством, не впадая в панику и панические настроения дым военного утара. Гром орудий, тяжелая борьба, великий героизм красных бойцов, как суровый ветер, проносящийся по нашему искусству. Перед лицом войны многое в нем потусклоло. Барашинские стихи оказались ни к чему. Многие трескотня «оборонные» песни были забыты именно на фронте. Перестали кто-нибудь интересоваться якобы анималистическими «семейно-проблемными» драмами и романами, в которых запутавшийся ответственнейший рабочий «плетено» между женой и сожительницей. Выдвинувшаяся сложность этих произведений оказалась жалкой перед простым величием жизни. И, наоборот, то в искусстве, что было обращено к войне, с новой силой запервало в эти месяцы. Настоящие, полные любви, гнева и юмора песни были фронтными спутниками бойцов. Читатель новому воспринял Левинсона, Чагаева, Корчагина. С новой силой зазвучал тревожный стих Маяковского.

Литературному искусству и искусству театра в эти месяцы пришлось пережить неслыханный подъем. Не только советским искусством, но и искусством всего мира. Это искусство, любознательное, много работающее, движущее вперед жанры. В пугающий момент они пошли на фронт и совершили подвиги. Многие из них погибли. Литература жизни прела и ясна. Вероятно, поэтому наша драматургия мало интересовалась ими.

А ведь эта жизненная непосредственность, эта прямая биография для нашей молодежи имеет наследственный. Это, в сущности, качество большинства. Фрунзе, Держвинский, Свердлов, Кубышев, Котовский, Пархоменко, — такой прямой, стремительной и ясной была их, у каждого свое искусство сложнейшей и труднейшей, жизнь! Котовский совершал подвиги не только в боях, но и в труде. Кубышев руководил Госпланом. Черевко был и режиссером и актером. Через поле боя и реку Сомалионский кабинет проходила равно полная драматизма прямая биография большинства.

Между тем наше искусство за последние годы особое предпочтение отдавало героям «извигного пути», людям, которые так или иначе «спасаются». Люди всякого рода «отчаянно», немилые, люди запутавшиеся, наконец, люди обещанные, а не все они привлекательны. Внимание наших читателей куда больше, чем последние герои времени. Как-то так, незаметно для нас самих, потупилось, что признаком высоких художественных достоинств писателя, признаком его умения пронизывать в глубину человеческой души стало наличие в его произведениях вот этих мятущихся, спотыкающихся, ушиб-

ных людей. Богатством душевных качеств героя стало считаться богатство ошибок, заблуждений, страданий. Все остальное объявлялось скучной.

Мне думается, что страсть к такому роду героям — признак не силы, а слабости советского драматурга. Для меня короткая биография двадцатилетнего Героя Советского Союза куда сложнее и богаче, чем многолетние переживания одинокого врага или уныло заблуждающегося чиновника. Юнона, не заумавшаяся, пошла в бой и совершила подвиг, — разве это само по себе не сложнейшая, не богатейшая, не сверкающая всеми красками тема! Но даже не самый герой героизма интересует меня. Ведь тысячи и тысячи таких же молодых людей еще не стали героями. Но поэт, эта высшая точка жизни героя, вытаскивает из всей его биографии. Ведь это его мужество и воля наградить в своей индивидуальной, неповторимой связи с его жизнью, с его семьей, с его любовью и трудом. Ведь его жизнь полна конфликтов, переживаний, срывов и побед, но вместе с тем его биография — это прямая биография советского человека. Ведь именно в этом сочетании сложности, конфликтности, индивидуальности, особенностей и советской, жизнеутверждающей прямоты, целостности и заключенного противоречия, плодотворнейшее для художника.

Как-то мы с одним драматургом перелестились биографию выдающегося человека нашей страны, недавно умершего. Человек этот пролежал в своей жизни огромную работу, один пережить его дел потрачено, он совершил подвиги, но эффектных моментов в его жизни не было. Она была пряма и наполнена ежедневным систематическим трудом. Собеседник мой листнул биографию до конца и сказал: «Вот это тема!». Но потом подумал и добавил: «Диплом, нет. Не вижу образа. Все слишком прямо. Но построить конфликт!».

Но неужели жизнь этого человека не была драматична только потому, что была пряма? Мои собеседник не увидел, не почувствовал образ этого человека потому, что примитивно, как отец многие из нас, предполагал, что образ возникает на каком-то трагическом повороте, не на пути, а на перепутье героя. Между тем сущность жизни этого человека не в повороте, не в сомнении, а в преодолении. Если бы меня попросили определить его одной фразой, я бы сказал так: он знал свою цель и смело преодолевал какую-либо преграду на пути к ней.

Для изображения таких людей у нас хватает знаний и фантазии. Мы мало знаем об этих людях, а должны знать о них все. Прямая линия жизни такого человека должна быть известна не только ему одному, окружающим, неповторимых, живых человек. Зная все о герое, мы могли многое бы отключить, забыть и свободно фантазировать, воображать на основе знания. Пока же многие наши пьесы или вообще

высочены из палы (пусть и зарывного), или представляют собой робкий монтаж отвлеченных фактов и наблюдений, не переключенных мощной фантазией свободной мысли. Этому способствует почти полное забвение условности театра. Социалистический реализм практически не в установочных статьях, а в конкретных рецензиях, трактуется как полюбие жизни. Мы боимся резким столкновением людей, необычным сюжетом, ярким театральным приемом нарушить жизненно правдоподобие пьесы, и в результате скатываемся к унылому бытовизму. Распространено условности в театре, борьба за театральность, за множественность красок, за разнообразие жанров — необходимое условие для появления нового героя на сцене.

Существует «оптимизм», справедливо и по заслугам именуемый таковым. С ним ведется борьба. Но многие в нашем искусстве в процессе этой борьбы впадают в другую крайность. Появился много принципиально «счастливых» пьес и особенно стихов. В этих пьесах герой во что бы то ни стало страдает. Если у него прекрасно идут дела общественные, значит, наверняка, в делах любовных автор соорудит ему какую-нибудь катастрофу. Причем это делается по тем же рецептам, по которым когда-то положительному герою приносились, — для объяснения — умеренно (поэтично же, умеренно) употребление спиртных напитков. Теперь герою для «оживления» выпрыскивают под кожу небольшую (конечно же, небольшую) порцию «отравления». Герой становится сумрачным, уныло сероточенным, склонным ко всякого рода философским рассуждениям типа: «Жизнь прожить не поле перейти». «Эх-ма, это вам не фрут изюма!» Мы видим на героя, предостерегающего претрады, а претрады, по авторскому произволу валившиеся на героя. Жалкоплажд вылих слез просто переутомлена такого рода в сущности безвольными людьми.

Когда же в такой манере тот или иной драматург хочет показать волю героя, получается так, как получилось даже в таком серьезном произведении, как «Жизнь правителя». Стремясь более ясно показать тошноту души, автор в сущности стал любоваться страданиями героини, отчего в ее образе появились некоторые черты пидрыва.

Вот это положение страдания, это возмещение страдания глубоко непонимно и отравительно. Помогание, как музеевство и прекрасно выступил против этого Горький. Да, нам почла: работать трудно, и наш труд не может быть резче и острее других, но резче и острее других я вижу великую цель нашей жизни, резче и острее других я ощущаю огромную радость жить в наше трудное время, участвовать в переустройстве мира. В борьбе я хочу восвоять не только тяжесть пути, но и радость преодоления. Это свое ощущение я хочу активно нести в массы как «агитатор, горлач, главарь». И вообще не надо драматургам в своем творчестве бороться с «стелчлким оптимизмом», ни с «бараным пессимизмом». Я по крайней мере не хочу участвовать в этой борьбе. Надо оставаться самим собой и всем сердцем ощущать, что наш народ — народ волевой, энергичный, полный юмора, способный преодолеть все претрады на своем пути. Таким будет и облик нашего героя.

Особый характер пришло это «страдальчество» в нашей поэзии. Вполне здоровые и очень еще молодые, некоторые поэты наши вдруг настроились на грустный лад и начали отак философски чиркаить. Самые простейшие вещи вызывают их на глубокомысленные рассуждения. Так вот и бродят по странному журналу эти сморщенные молодые старички, отбывая своими «рассуждениями» вкус и настоящей философской поэзии. Они необычайно серьезные. Даже засмеяться в их присутствии недовольно. Маяковский они, конечно, являются на каждом углу. Но не является ли вам, товарищ, что жизнь сейчас Маяковский, он «отступил бы их трехпалым святым» и был бы прав.

В этой связи мне хочется отметить халхинговецкий стих К. Симонова. Иные, простые, свободные от унылого «серьезности», они по-настоящему серьезные и мужественны. Это хорошие стихи. Очень интересен в этом смысле на мой взгляд, и новый, еще неопубликованный цикл фронтных стихов А. Суркова. Вообще, суровая фронтная школа, несомненно, будет плодотворной для многих наших литераторов.

Советская драматургия создает петлю галерею разнообразнейших людей. Враги, подлые, карлистые, обидливые, нарочно уверяющей рукой мастера, пройдут по советской сцене, вызывая ненависть и презрение зрителя. Десятки драматургов будут работать каждый в своей манере. Одному больше будет удаваться сатра, другой составит романтическую драму, третий будет без устали смеяться зрителя, четвертый исторгать из него буквально потоки слез. Очень хорошо!

Во второй советского искусства неизбежно будет осуществление в любом жанре изображение прямой жизни советского человека, плущего к коммунизму, сметающего все претрады на своем пути.

Итак, наша литература и искусство не должны идти по пути упадка и регресса, по пути паники и панических настроений. Мы должны идти по пути вперед, по пути создания нового, по пути создания нового героя на сцене.

Профессия сценариста

сх пор еще неустойчивой и непродолжительной. Все как-будто согласны с тем, что киносценарий есть основа фильма. Все охотно говорят о привлечении писателей в киносценарию, о необходимости воспитания новых сценаристов-профессионалов. В практике, к сожалению, только выписка из этой профессии лет.

На одном из собраний драматургов справедливо указывалось, что писатель, работающий для театра, знает, что хорошая пьеса обязательно будет поставлена не в одном, так в другом театре, не в Москве, так на периферии. И писатель спокойно затравивая на создание пьесы полтора — два года. Как может он затратить то же время на создание сценария? А вдруг сценарий ойдет набезд тему или слишком острой или недостаточно актуальной?

Несколько лет назад Г. Финн написал сценарий «Таланты». Сценарий поставлен не был. Тогда Г. Финн написал пьесу «Таланты», и она с успехом идет по всему Советскому Союзу.

Многие, вероятно, помнят, каких усилий стоило В. Вишневскому «устроить» свой сценарий «Мы из Кронштадта» и сколько раз снимался с производства этот фильм.

Не секрет, что автор сценария «Член правительства» К. Виноградский в течение трех лет не мог найти ни студии, ни режиссера. Киноорганизация не проявляет интереса к новым сценариям. Обясняется это в первую очередь тем, что постановочные планы студий урезаны и не соответствуют их производственной мощи. Так, например, некоторые национальные студии за весь 1939 год выпустили по одному фильму. Среди кинодраматургов трудно назвать автора, имеющего за последние 6—7 лет больше трех поставленных сценариев.

Сценариев, не попавших в производство, никто не видит, не читает, не критикует. Они исчезают не только, как сценарии, но и как литературные произведения. И вместе с ними исчезают до нового рождения их авторы. Среди киносценаристов года два назад много говорили о сценарии «Голубой полутанок» молодого автора-выжившего т. Бондина. Сценарий в производстве не пошел. И никакого следа от этого талантливого произведения в литературе не осталось. Имя

Судьба киносценария

т. Бондина ни читателю, ни критике не ведомо.

Несколько лет назад были проведены краткосрочные сценарные курсы для писателей, и при ВГИК был создан сценарный факультет «школа академии» с двухгодичным курсом, давший уже три выпуска.

Выйдя из стен академии, молодые драматурги остро почувствовали свою оторванность от творческой среды. Литераторы в прошлом, они общались с редакторами журналов, с читателями, они знали, какой отклик находят их произведения. Став сценаристами, те же авторы оказались в «изоляции». До тех пор, пока какой-либо из написанных ими сценариев не будет поставлен, они имеют дело только с инстанциями, которые либо принимают, либо отклоняют, либо дают поправки и доработки. Но никто в этих инстанциях не обсуждает сценарии, как литературные произведения, ни от кого автор не слышит критики своего творчества.

Для каждого нового редактора сценарного отдела любой автор, хотя бы и хороший, но не поставленный сценарий, — новичок, дебиант. Поэтому в кино так много начинающих авторов, хотя большинство из них уже имеет по 2—3 сценария. Характерна киносценаристическая судьба молодого беллетриста Л. Соловьева. Пройдя школу сценарной мастерской Межрабпомфильма, он остался работать в этой же студии. Писал либретто, сценарии, а в производстве они не шли. Но стоило Л. Соловьеву опубликовать в толстом журнале рассказ, написанный... по одному из его же забракованных либретто, как студия стала лихорадочно разыскивать по Москве писателя Леонида Соловьева, чтобы заказать ему сценарий... по этому же рассказу. Велико было изумление дирекции, когда выяснилось, что актер Соловьев и писатель Леонид Соловьев — одно и то же. Примерно такая же судьба и у молодого писателя И. Рахтанова. Пока он работал «звездой» киносценария, его не ставили. Но как только И. Рахтанов начал печататься, издается, те же студии охотно стали заказывать ему сценарии.

Олег ЛЕОНИДОВ

Некоторые из литераторов, окончивших сценарную академию, всерьез подумывают, не вернуться ли им к оставленной профессии очеркистов, повелителей и т. д., чтобы таким путем более уверенно войти в киносценарию.

Огромный вред нашему киноискусству приносит все это существующая в системе Комитета по делам кино множественность инстанций, рассматривающих сценарий. Каждая инстанция, каждое лицо высказывает свою точку зрения, часто противоречащую точке зрения инстанции предыдущей и последующей. Каждая из инстанций «сглаживает» острые углы, каждая ставит свои светофоры на опасных поворотах, каждая выжимает из этой «губки» житейственную влагу искусства. И сценарии становятся похожими один на другой, будто все написаны одним автором.

Вот типовая схема прохождения сценария:

1. Консультант (редактор) студии.
 2. Нат. сценарного отдела студии.
 3. Директор студии.
 4. Редактор сценарного отдела Кинокомитета.
 5. Начальник сценарного отдела Комитета.
 6. Сценарный совет.
 7. Председатель Кинокомитета.
 8. Редактор Главного управления по производству художественных фильмов.
 9. Начальник Главного управления по производству художественных фильмов.
- Хотя в Комитет попадают сценарии, уже утвержденные студиями, редактор Комитета имеет право лавать к сценарию любые поправки, в том числе противоречащие и установкам студии, и замыслу автора.
- Если консультанты Кинокомитета, — резонно говорили на одном из собраний писателей в Москве, — умне и комитетные консультанты студии, то пересят их в студию, но какой же смысл работу одних консультантов корректиро-

Профессия сценариста

фать работой других — такой же квалификация, как первые?

В производственное управление поступают сценарии уже в режиссерской разработке. Однако и здесь каждый сценарий обсуждается «с начала» (с темы, с сюжета, образов и т. д.).

Часто, пройдя по всем этим инстанциям, сценарий возвращается в студию, как недоработанный, и начинается обратное «восхождение» его, т. е. сценарий снова проходит те же инстанции. Неудивительно, что некоторые сценарии пошли в производство в четырнадцатом «варианте».

Независимо выпущена кинокомедия «Заподздалый жених» по сценарию двух молодых авторов-выживших — т. Г. Гоголея и В. Барсакина. У авторов был замужней герой, который любит девушку, хотел бы жениться на ней, но стесняется своего не вполне юного возраста и оттого никак не решается сделать предложение. В инстанциях, через которые проходил этот сценарий, жениха стали постепенно «составлять». Теперь уже уже красивый, полнокровный, и зритель недоумевает: как это такой боевой пареня мнется и боится признаться любимой девушке в своих чувствах? И почему сохранилось ставшее нелепым название сценария «Заподздалый жених»?

В большинстве случаев крупнейшие произведения советского киноискусства получаются на экраних вопреки желанию киносценаристов-авторов.

Иногда выполнения нашей киносценаристической планы I квартала 1940 года достаточно широко поддерживают наиболее плодотворно на сценарном фронте. План выпуска полнометражных картин выполнен всего лишь на 47 проц. (высше 15 картин выпущено фактически 7).

В приказе Комитета по делам киносценарию это расценивается как результат пуска в производство недоработанных литературных и режиссерских сценариев, что повлекло за собой их переводку уже в процессе производства.

Оказывается, — чем больше «дорабатывающих» и «переделывающих» инстанций, тем меньше законченных сценариев, тем меньше сценариев вообще.

Вызовы напрашиваются сами собой. Прежде всего необходимо устранить безответственность и множественность инстанций, рассматривающих сценарий. Сценарий должен рассматриваться в двух инстанциях: в Сценарном отделе студии и в Сценарном совете Кинокомитета.

Большое надежды возлагают писатели на Сценарный совет при председателе Кинокомитета, как на авторитетный орган литературной и киносценаристической ответственности. Сценарный совет не в состоянии создавать таланты, но в его силах добиться того, чтобы талантливые сценарии не искались. В его силах положить конец вкусовщине и перестраховке в оценке сценариев.

И, наконец, — нужна творческая среда, где бы можно было обсуждать сценарий, как литературное произведение, независимо от «инстанционных» соображений. Такой средой должны быть наши лучшие киностудии и союз писателей. Такая среда — страницы газет и журналов, где должны печататься и сценарии, и отзывы на них, и критические статьи о творчестве того или иного киносценариста. Сценарий — один из видов литературного творчества. И чтобы возмалась культура сценария, чтобы росли кадры сценаристов, и сценарий и киносценарист должны быть поставлены в такие же условия, в каких находится любое литературное произведение и его автор.

В коридор дома № 52, по улице Воробьевской выходит множество комнат. То и дело открываются и закрываются двери. Стучат машинки, трещит телефон, деловито шумят о папках и бумагах секретари, стоит изумительный шум.

В коридоре одна небольшая комната, в которой парит тишина. Шесть сотрундиков, склонившись над столами, сосредоточенно работают. Привычные пальцы быстро перебирают длинные ряды карточек в узких ящиках, первая заносит на бумагу нужные названия, цифры, фамилии, и ящик возвращается в свое гнездо — на стену, которая, словно гигантские коты, разделена на множество одинаковых отверстий.

Посетители зала писателей проходят мимо этой комнаты, и только четыре-пять человек заходят сюда за день. А между тем здесь оказываются писателям настоящая помощь в их творческой работе.

Помогаются ли писателям К. она — коментарию с энциклопедией В. Шукского, Ксении Годуновой, Бориса Годунова, Авраамия Палицына, или писателю О. узнать выходные данные и имя редактора книги «Проблемы языка и мышления», а композитору Ш. — выяснить, кто автор сказки «Шиночки», — все они обращаются в эту тихую комнату с дочерней на двери: «Библиографический кабинет ЦСП СССР».

Писателя Ф. интересуют революционное движение в иностранных армиях, драматургу Ш. нужна литература о Наполеоне III, а литературоведу Д. — о Христофоре Колумбе, писателю Л. понадобился советский энциклопедический словарь, стихотворческое движение в художественной литературе, и библиографический кабинет в течение нескольких дней, а иногда и нескольких минут дает почти исчерпывающие справки по всем этим вопросам.

Не только писатели, но и редакция центральных газет, библиотеки, книжные лавки, даже Книжная палата и сама Ленинская библиотека прибегают к помощи сотрудников, сидящих в этой комнате.

«Когда состоится последний пленум правления РАПП и где напечатан стенографический отчет о нем?»

«Где найти описание пулемета в совет-

ской художественной литературе и людей, связанных с пулеметом в дни Октябрьской революции и гражданской войны» (пример Алба-Пулеметова в «Литературной энциклопедии»)?

Обращаются сюда за справками не только квалифицированные писатели, но и молодые авторы, преимущественно работающие над историческими произведениями.

Часто у писателей возникают в процессе творчества вопросы, не имеющие отношения к художественной литературе, и тогда библиографическому кабинету в свою очередь приходится обращаться за помощью в Книжную палату, в Ленинскую библиотеку, в книгохранилища по специальным вопросам.

Однако единственный в системе писательских организаций ЦСП СССР библиографический кабинет обслуживает пока главным образом московских писателей. О его деятельности почти ничего не знают писатели братских республик и городов РСФСР. Библиографический кабинет за два года своего существования не сумел стать популярным среди советских писателей.

У него обширная каталогизация, регистрирующая явления литературной жизни Советского Союза, названия всех произведений, выходящих в СССР отдельными изданиями, произведениями, напечатанными в газетах и журналах, а также подробная «персоналия», содержащая сведения, которые относятся не только к творчеству, но и к общественно-политической жизни писателя. Однако каталогизация эта далеко не полна. Художественная литература зарегистрирована только начиная с 1917 года, периодическая печать — с 1934 года, а «персоналия» ведется только за последние 6 лет. Недостаточно полно охвачена периодическая печать, выходящая в СССР.

Таким образом, кабинету предстоит еще очень большая работа по пополнению каталогов материалами за предыдущие годы и более полной регистрации современных изданий и явлений художественной литературы.

В Москве в студии оратора имени Нивинского открыта выставка графики. Собранная из частных коплекций любителей оратора, она посвящена главным образом мастерам графики, начиная с середины прошлого столетия до наших дней.

Среди экспонатов выставки имеются работы крупнейших мастеров оратора: Добинина, Коро, Милле, Ренуара, С. Валладона, Израэлиса и др.

На снимке: Поль Ренуар (слева) — «Статистка Друри в Лондонском театре», Шарль Франсуа Добинин (сверху) — «Пейзаж», Иамил Кордо (внизу) — «Воспоминания о Тоскане» и Франсуа Милле (справа) — «Кормящая мать».

Фото В. Лягина.

У ПИСАТЕЛЕЙ ПРИМОРЬЯ

ВЛАДИВОСТОК. (От наш. корресп.) В Доме партийного просвещения состоялось собрание литературного актива Приморья. Приехавшим из Хабаровска поэт тов. Вытовой рассказав о работе писателей в Хабаровском крае и о журнале «На рубеже».

Регулярно проводятся в Хабаровске лекции, на которых обсуждаются произведения писателей. Недавно обсуждалась новая повесть Агашева «Дед Нерма». Другая деловая критика помогла автору разобраться в недостатках и исправить их.

Хабаровские писатели активно участвуют в газете Второй отдельной Краснознаменной армии «Тревога». Это помогает им овладевать и военными знаниями.

В развернувшихся на сборники прений говорилось о том, что приморская группа писателей организационно еще не оформлена. Она не имеет своего помещения для творческих встреч. Местные газеты невинительно относятся к товарищам, пробу-

ющим свои силы на литературное поприще. Краевая газета «Красное знамя» организовала литературный конкурс имени Горького. Было получено 70 произведений, но ни одно из них не увидело света, и самый конкурс был предан забвению.

Выступавшие отметили также, что дальневосточное братство писателей пока слабо помогает Приморью. Они привели примеры того, как произведения приморцев, посланные в Хабаровск, годами загромождены в Далние и выходили из печати лишь после того, как получали признание в Москве. Так случилось с романом Борисова «Сын орла», отдельными стихотворениями Коршова, Афанасьева.

Собрание литактива Приморья закончилось чтением стихов поэтами Антоенко и Коршовой. Свои вопросы произведений прочел и тов. С. Вытовой.

Б. ЛИБЕРМАН

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ

ВОРОНЕЖ. (От наш. корресп.) Воронежские писатели встретились с работниками книготорговой сети.

После вступительного доклада доцента Пелинштейна Н. Романовского, с интересным сообщением выступил заведующий областным отделением «Книга — почтой» тов. Линкина.

«Книга, издающаяся в Воронеже», — сказал он, — давно перестала быть только областной книгой. Ежедневно на самых различных рынках Советского Союза мы получаем заказы на произведения наших воронежских писателей. На книгу Н. Задонского «Мазета» заказы поступили из 150 городов, находящихся за пределами нашей области, и превысили 1300 экземпляров. Очень быстро разошлось все имеющееся у «Книги — почты» наличие таких книг, как исторический сборник «Борьба за Воронеж», «Борьба» — Виктора Петрова, «Дорогой Шорса» — М. Сергеева, «Лавна» — М. Булавина и др. Большим спросом пользуется альманах «Литературный Воронеж».

Заметьте некоторое улучшение в деятельности Воронежского издательства. Оно научилось культурно делать книгу. Поэтому особенно обидно, что за последнее время издательство снова выдало несколько книг, оформленных крайне небрежно и с явной завышенной ценой!

В заключение воронежские писатели познакомили работников книги о произведениях, над которыми они сейчас работают. В Петров прочел главу из повести «Бурьян», М. Булавина — отрывок из повести «Мамонтовщина», М. Сергеева — новый рассказ из порохового цикла, Н. Задонский — 3-й акт своей пьесы.

Литературная радиогазета

Редакция литературно-драматического вещания Всесоюзного радиокomiteга приступает к выпуску литературной радиогазеты, которая будет называться «Литературный мелодия». Она будет передаваться 6 раз в месяц в 19 часов по радиостанции имени Коминтерна.

В газете будут постоянными отделы: новация художественной литературы, сатиры и юмор, критика и библиография.

*
Первый номер, посвященный оборонной литературе, выйдет 3 июля.

Накануне юбилея Низами

БАКУ. (От наш. корресп.) Азербайджанский поэт-фольклорист Али Заде Гуммет-собратель ашугской поэзии, обладая районом, аулом, колхозом республикой, написал множество народных вариантов произведений великого азербайджанского классика Низами Ганжели. Среди записанных вариантов особенно интересны большие сказки «Шахзаде Бахрам» — на тему поэмы «Семь красавиц» и около десяти сказок на тему «Искандер-нама», «Хорезм и Ширин» и других. Али Заде собрал также ашугские песни, посвященные памяти великого азербайджанца.

Подготовлена и сылана в печать вторая книга научно-исследовательского альманаха «Низами» на азербайджанском и русском языках.

В ней помещены статьи и исследования о творчестве великого Низами, о его современниках, об эпохе поэта, об архитектурных памятниках, культурно-политических отношениях времени Низами. Среди материалов альманаха — работа члена корреспондента Академии наук СССР профессора Бертельса — «Низами и Фирдоу-

си», статьи Пашонова — «Денежное обращение эпохи Низами», Г. Араслы — «Тема «Лейли и Меджнун» на Востоке» и другие.

Помимо научно-исследовательских работ, в альманахе печатаются отрывки из произведений Низами, народные варианты произведений поэта, стихи и песни, посвященные его памяти.

*
Союз советских писателей в Кирово-областной издательстве, то издательским отделом поэта Азербайджана Низами Ганжели. Производит литературные вечера и лекции о жизни, творчестве и эпохе Низами. В этих вечерах активное участие принимают старожилы города. В своих выступлениях они сообщают современному народу, до сих пор не известные варианты поэмы Низами, которые веками передавались из уст в уста. Впервые становятся известными народные сказания, созданные по мотивам произведений поэта.

Писатели Кировограда готовят к печати сборник «Поэты и прозаики родины Низами».

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О МАЯКОВСКОМ

ДОКУМЕНТ О ПЕРВОМ АРЕСТЕ

Институт Маркса-Энгельса-Ленина передал на хранение в библиотеку-музей Маяковского новый документ, связанный с работой поэта в рядах большевистской партии в 1908—1909 гг.

Маяковский вступил в московскую организацию РСДРП в начале 1908 г., когда ему еще не исполнилось 15 лет. Там он вел работу пропагандиста. 29 марта 1908 г. Маяковский был арестован по делу подпольной типографии Московского комитета РСДРП и отправлен в Сухаревский полицейский участок.

К первому аресту Маяковского и относится новый документ. Это — найденное в архиве материалов Судебного полицейского участка заявление сестры Маяковского — Людмилы Владимировны Маяковской, в котором она запрашивает «относительно мальчишка 14 лет Маяковского Владимира и просит разрешение на свидание матери — Александры Алексеевны Маяковской, сестре Людмиле Владимировне Маяковской, а также разрешить принести вещи: пинну, одежду, книги».

На заявление была положена резолюция: «Разрешить кому-нибудь одному и на одно свидание. На заявление сестры Людмилы Владимировны свидание дать матери».

В первом углу первой страницы документа карандашом дана дата ареста «29 мар».

Заявление было написано на старом бланке 1907 г.

Первое заключение Маяковского было кратковременным, 9 апреля, после допроса, Маяковский ввиду малолетства выпущен был до суда под ответственность родителей.

КНИГА С АВТОГРАФОМ ПОЭТА

В библиотеке-музее Маяковского есть издание с различными автографическими пометками поэта. К числу наиболее интересных принадлежат сборник 1925 г. «Пролетарские писатели», сохранивший на своих страницах критические замечания Маяковского. Очень интересны также «Популярный официальный путеводитель по ноябрьскому зоопарку» с черновыми набросками двух четверостиший:

Давная шея,
чтоб жирафа меть
сын-жиряфенок
мог обнимать.

Кенгур смешная очень.
Руки львов ног короче.
Но за это все у ней
ног двоек рук длиней.

Записки эти сделаны на шмуц-титуле. Маяковский был в Нью-Йорке в августе — октябре 1925 г. и, поспевшему, тогда же возник у него замысел детской книжки о зоопарке «Что ни странна, то спон, то львица», которая была написана им по возвращении в СССР.

Разговорный жанр в цирке

Эстрадные драматурги и руководители государственного управления цирков собрались 27 июня в клубе писателей, чтобы обсудить вопросы репертуара цирков, особенно в области разговорного жанра.

Художественный руководитель Главного управления цирков Е. Кузнецов сообщил собравшимся о тех планах, которые намечаются для возрождения клоунады-буфф, сатиры и цирковых одноактных спектаклей. Сейчас разрабатывается цирковая постановка «Таргарен из Тарасова», комедийно-буффонная пастораль «При мужикетера» и фантастическо-федеральный спектакль «Битва Семпано» — по Гонкуру.

В первом цирке Иммануэляного парка культуры и отдыха, — сказал далее Е. Кузнецов, — начався просмотр всех имеющихся в цирках клоунадных номеров. Пока этот обзор обнаружил шаблоны и убогие тематики, отсутствие острых актуальных проблем и низкое литературное качество.

В текущем году, по заявлению М. Гарциана (руководитель группы разговорных жанров), чтобы заполнить программы и заменить то негодное, что имеется в репертуаре цирков, надо бы дать актерам-клоунам 120 новых литературных произведений. Составление полноценного советского репертуара для цирка невозможно без участия литераторов, которые, однако, до сих пор в цирке лишь случайные гости. Характерен и тот факт, что на всеобщий конкурс цирковых номеров на 266 поступивших предложения только 28 — разговорного жанра.

Литературная газета

6 № 36

ЮБИЛЕЙ КУТАИССКОГО ТЕАТРА

Кутаисский драматический театр отмечает 1 июля 60-летие своего существования.

Группа талантливых грузинских актеров в кровавые годы царства и жестокой реакции поставила в Кутаиси пьесу Зураба Антонова «Затмение солнца в Грузию», положив этим основание новому театру. С этих пор сцена грузинского театра стала трибуной, откуда раздавались слова, призывающие к свержению самодержавия, к борьбе за лучшее будущее, к братству народов. В 1905 году работники театра во главе с Владимиром Алексеевичем Мехишивили строили на улицах Кутаиси баррикады.

С Кутаисским театром связана творческая биография таких мастеров театрального искусства, как Котэ Марджанишвили (Марджанов), Нино Чхедидзе, Валерия Шапкашвили и др. На сцене этого театра начал свою артистическую деятельность талантливый актер Грузии Васо Абашидзе.

В Кутаисский театр приезжали на гастроли мастера русской сцены Сания, Комиссаржевская, Варламов, братья Адельгейм.

С установлением в Грузии советской власти театр собрал талантливую труппу, обновил репертуар и честно, самоотверженно служил делу укрепления власти трудящихся и лишь из-за преступной деятельности врагов народа прекратил свое существование с 1934 по 1935 г.

6 ноября 1935 г. благодаря личному вмешательству тов. Берия, Кутаисский театр вновь открыл сезон в том помещении, где состоялся его первый спектакль. Это помещение было реконструировано, сцена расширена, для актеров созданы хорошие условия работы.

За два года Кутаисский государственный драматический театр, во главе которого стоит заслуженный артист республики Д. Антадзе, добился больших успехов. Здесь работают крупные артистические силы: народный артист республики А. Имидашвили, засл. арт. республики Ю. Зардаришвили, П. Амриджаби, Т. Гвинишвили, Т. Квикадзе, А. Мурусидзе, Ш. Хонели и др.

В центре Кутаиси заканчивается строительство нового театра, и в скором времени город получит великолепное здание, оборудованное по последнему слову театральной техники.

В Академии Наук СССР

26—27 июня в Москве состоялась очередная сессия отделения языка и литературы Академии наук СССР. Сессия в значительной своей части была посвящена проблемам научения языка и творчества А. М. Горького.

Литературоведение подходит к настоящему времени к весьма ответственному рубежу в исследовании жизни и творчества великого пролетарского писателя. В этом году заканчивается подготовка К. тома «История русской литературы», охватывающего период литературного развития России с начала XX века до 1917 года, и первого тома «История советской литературы». Фундаментальной частью обоих томов являются главы о Горьком. В этих главах должна быть дана научная концепция, объясняющая роль и значение творца социалистического реализма в развитии русской и советской литературы.

Над разрешением этой задачи работают, пока в отрыве друг от друга, два академических института — Ленинградский институт литературы и Институт мировой литературы имени А. М. Горького.

Отрыв этот, между прочим, выражен в диспропорции обеих частей задуманной творческой монографии о Горьком. Главы о дооктябрьском Горьком в X томе «История западной литературы» в 15 печатных листов, а главы о нем в «Истории советской литературы» — в 5 печатных листов.

В настоящее время «вторые» главы о Горьком для X тома «Истории советской литературы», составленная коллективным трудом С. Балухатова, В. Десницкого, Б. Балкина, К. Муратовой и др.

Авторы ставят перед собой задачу, как сообщает проф. С. Балухатов, — ответить в главе о Горьком на вопросы о преемственных связях его творчества с классическим наследством, о его художественном методе и эволюции его стиля. Параллельно показу Горького-художника должно быть раскрыто развитие Горького как выразителя пролетарского сознания.

Принимая во внимание исключительную ответственность создания исторической монографии о Горьком, отделение языка и литературы решило созвать осенью всесоюзную конференцию специалистов по изу-

чению горьковского литературного наследия для обсуждения глав о Горьком в обоих томах «Истории литературы».

*
Сессия затем заслушала доклад академика А. Баранникова — «Горький в Индии» и академика В. Алексеева — «Горький в Китае». Оба доклада дали интереснейший материал, рисующий мировое значение Горького, огромное влияние его творчества и революционных идей в самых отдаленных от нас зарубежных странах. Оба доклада являются главными подготовительными к «Истории литературы» коллективного труда «Горький в Востоке».

Среди индусской интеллигенции очень велик интерес к русской литературе. Ее считают самой чистой в мире литературой, глубокой идейной, человеческой и реалистической.

Среди Горького чрезвычайно популярно в Индии, его чтят как апостола свободы, во имя всей революционной литературы. Популярность Горького в Индии особенно возросла в период 1925—1938 гг. После выхода в 1928 г. отдельным изданием перевода «Мать», произведения Горького выходит систематически. Они переводятся не только на английский, но и на национальные языки Северной Индии — хинди, урду, бенгали, маратхи и др. Из отдельных произведений великого писателя особенно широко известна и любима в Индии повесть «Мать». На одном бенгальском языке вышли четыре перевода этой повести. Кстати сказать, один из переводов вышел под заглавием «Балдематрам». Это — название одного из индуистских божеств, в котором Горького они видят демонстрацию против империалистических натисков.

Еще более яркая картина непрерывно растущего в широких массах китайского народа влияния А. М. Горького была нарисована в докладе академика В. Алексеева. Все детали, которые не удалось восстановить докладами по двум изданным в последнее время журналом В. Роговым, недавно вернувшись из Китая.

— В Китае, — говорит В. Алексеев, — преведено большинство произведений А. М. Горького, но исключая даже такого фундаментального, как «Илья Милле». Если судить по изданиям чисто коммерческих китайских издательств, то наибольшим спросом пользуются следующие произведения Горького: «Детство», «Исповедь», «Дело», «Удалец» (как озаглавлено «Дело Артамоновых») и его пьесы.

В Рогов говорит, что три великие имени представляются в глазах китайских народных масс советскую культуру — Ленин, Сталин и Горький. Нет такого маленького китайского городка, в котором не издавались бы произведения Горького.

Много делал для распространения произведений А. М. Горького в Китае казенный реакционерный член Политбюро ЦК китайской компартии Цюй Цю-бо, который перевел непосредственно с русского «Исповедь» о буревестнике» и многие рассказы Горького: «28 и одна», «9 января», «Мордовка» и др. Непосредственно с русского языка переводит Горького также известный переводчик советской литературы Цяо Син-хуа. Им, кстати сказать, в последнее время переведены также на китайский язык «Железный поток» Сергеевича, «Сорак черной» Бориса Лавренева. «Я, сын трудового народа» В. Катаева и др.

Много переводит Горького заведующий литературным отделом газеты «Синьхуа-жяньбао» («Новый Китай») Го Бао-чэнь, известный также как переводчик деромонтского «Героя нашего времени».

Шен Дуань-син, которому принадлежит первый перевод повести «Мать», сделанный им с оригинала, выпустил недавно большую оригинальную биографию великого писателя.

*
Сессия заслушала также доклад А. Гурштейна «Социалистическое содержание и национальная форма советской литературы». Доклад этот является одной из глав подготовительной автором книги о проблемах социалистического реализма.

Сам А. Гурштейн назвал свой доклад теоретическим очерком, указав, что он является не выводом, а лишь постановкой вопроса о национальной форме советской литературы. Теоретические послышки автора не вызвали возражений; однако, всеми участниками обсуждения было единодушно высказано пожелание о напечатании доклада конкретным языком национальной формы русской и братских литературы народов СССР.

С. И.

ДРАМАТУРГИ И РЕЖИССЕРЫ ЗАПАДНОГО КИНО

Госкиноплант подготавливает к печати серию монографических сборников о видных мастерах западной кинематографии. Первые выпуски этой серии посвящают анализ творчества Давида Грэффита, Диега, Кинга Видора, Джона Форда.

Большой интерес представляет и другая серия издательства — «Американский сценарий». В текущем году намечено издать сценарии: «Хлеб наш насущный» — Кинга Видора, «Дюна» — Делла Никольса и сценарий Роберта Рискина — «Мистер Дилло переезжает в большой город», «Леди на день» и «Потерянный горизонт».

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛЮБИЦКИЙ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

ВЫРЕЖЬТЕ И СОХРАНИТЕ МАГАЗИНЫ МОСКУЛЬТОРГА

№ 15 Князьгородский проезд, д. 1, (у Политехнического музея), Телефон К-5-66-90.

№ 22 Арбат, д. 4. Тел. Г-1-30-39.
№ 3 Ул. Громова, д. 22. Тел. К-4-47-94.
№ 16 Сретенка, д. 36. Тел. К-5-50-73.
№ 20 Ул. Горького, д. 78.
Тел. Д-1-36-76.

ПОКУПАЮТ У НАСЕЛЕНИЯ И ПРОДАЮТ

КНИГИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ
(по истории, философии, художественную литературу)
ДЛЯ ПОКУПКИ БИБЛИОТЕК ВИСЫЛАЮТСЯ ТОВАРОВЕДЫ НА ДОМ.

ВНИМАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ, ВИБЛИОТЕКАРЕЙ и книжных работников КОГИЗ'а

В КНИЖНЫЕ КОГИЗ'а МАГАЗИНЫ ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ библиографические указатели: **СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ**

Составили О. В. Давилова, Е. Д. Поплавская и И. С. Романовская. Под редакцией и со вступительной статьей проф. С. К. Шамбинаго.

Государств. библиотека СССР им. В. И. ЛЕНИНА. Научно-библиографический отдел СОЭКГИЗ. 1948 г. Стр. 92. Цена 5 р. 15 к.

УСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СССР

Составила Е. Викенев, Под редакцией акад. Ю. М. СОКОЛОВА. Государств. библиотека СССР им. В. И. ЛЕНИНА.

Научно-библиографический отдел СОЭКГИЗ. 1948 г. Стр. 92. Цена 5 р. 15 к.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, РУССКАЯ И ПЕРЕВОДНАЯ

ОЦЕНКА КРИТИКИ 1933—1937 гг. Составил Н. Малеев. Госкиноплант, 1948. Цена 15 р.

НОВАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ КИНОКОМЕДИЯ

МОЯ ЛЮБОВЬ

СКОРО ВЫХОДИТ НА ЭКРАНЫ СОЮЗА

Автор сценария И. Прут, Режиссер — акт. деят. искусства В. Ковш — Саб-ляин. Оператор — Л. Шляг-лев. Музыка — акт. деят. искусств И. Дуванский. Текст песни — А. Д'Ампла.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ: Шура арг. Л. Смирнова, Леша арг. В. Чокур, Гриша арг. И. Переверзев, Феликс Ф. Чернышьюко.

Производство киностудии «СОВЕТСКАЯ БЕЛОУСЬ». Смотрите новую кинокомедию «МОЯ ЛЮБОВЬ».